

СОЦИОЛОГИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

There is proposed the specimen project of the course of studies "The sociology of the territorial communities." The course contains the plan of subject, the detailed description of the method of teaching by lectures and the practical training, the control questions, the list of recommended books and the basic conception. The course includes two sections. In the first section are outlined the methodological features of the study of the spatial aspects of the social and territorial communities. The problems of the empirical study of the social population's reproduction, urbanization, processes of vital activity of the agrarian sector, and of the migratory exchange are displayed in the second section of the course. For students of the humanitarian faculties, post-graduate students, instructors who study the social and demography structure of society.

Пропонується пробний проект навчального курсу "Соціологія територіальних спільнот". Має тематичний план, опис лекційних і практичних занять, контрольні питання, список рекомендованої літератури і основних понять. Курс складається з двох розділів. В першому розкриваються методичні особливості вивчення просторових аспектів соціально-територіальних спільнот. Проблеми емпіричного вивчення соціального виробництва населення, урбанізації, процесів життєвої діяльності аграрного сектора, міграційного обміну представлені в другому розділі даного курсу. Для студентів гуманітарних відділень, аспірантів, викладачів, які займаються вивченням соціально-демографічної структури суспільства.

Позитивные и негативные результаты трансформации геополитического пространства Украины наиболее заметны в динамике качественных параметров жизнедеятельности социума: социально-экономической ситуации, уровне жизни населения и т.д.

Пространственные отношения и структуры более инерционны в силу своей обусловленности системой расселения, исторически сложившейся, в данном обществе, территориальной структурой производства, природных ресурсов и организации хозяйства.

Но объективной основой пространственно-трансформационных процессов выступают и характеристики конкретных регионов. Научно обоснованное выделение регионов и разработка для каждого из них такой стратегии социально-экономического развития, которая бы учитывала совокупность общегосударственных потребностей и особенностей развития регионов, становится необходимо учитываемым фактором обеспечения общественной эффективности развития в пространственный период.

Известно, что ранее общество не признавало за различными территориальными общностями права на выражение собственных интересов, возникающих и отграничивающихся друг от друга в силу социальной неравноценности условий жизнедеятельности в тех или иных регионах.

Поэтому сегодня особенно актуально изучение особенностей формирования, становления и развития специальных социальных образований – социально-территориальных общностей.

Каждый студент, желающий получить зачет должен написать небольшую письменную работу (в объеме не менее 8 машинописных страниц через 2 интервала

или 10 разборчивых рукописных страниц).

Работа должна описывать социально-территориальные общности по выбору. При этом обязательными элементами работы должны быть: описание вида, типа, структуры, функций общности; рассмотрение проблем территориальной организации, особенностей развития урбанизации, рассмотрены проявления социально-территориальной идентичности. Желателен сравнительный анализ общностей одного типа или анализ динамики развития данной общности на основе составления индексов социального развития данных регионов.

Тематический план

№	Темы	Лекции	Практич. занятия	Семинары	Всего
I. Методологические вопросы изучения пространственных аспектов социально-территориальных общностей					
Раздел I.					
1	Понятие социологии пространства. Пространственная организация общества.	2	-	2	4
2	Территориальная структура и организация пространства	2	-		2
3	Категория "расселение". Роль расселения в социально-пространственной организации общества	2	-	2	4
II. Сущность, особенности и динамика трансформации социально-территориальных общностей					
Раздел II					
4	Общая характеристика социально-территориальных общностей	2	2	2	6
5	Социальное воспроизводство населения как основная функция социально-территориальной общности	2	2	-	4
6	Процессы и типы урбанизации	2	-	2	4
7	Город: генезис градообразующей сферы	2	2	2	6
8	Сельская местность как элемент социально-поселенческой структуры общества	2	-	-	2
9	Современные тенденции и социально-демографические последствия миграции	2	-	2	4
Итого:		18	6	12	36

СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ АСПЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Тема 1. Понятие социологии пространства.

Пространственная организация общества.

Понятие социального пространства. Формирование представлений о социальном пространстве в русле гуманитарной парадигмы (Т.Парсонс, Г.Зиммель, П.Сорокин, П.Бурдьё).

Основные характеристики социального пространства.

Типы пространств. Объективное и субъективное психологические пространства.

Геометрия социального пространства. Процедура выбора геометрической модели социального пространства для целей последующего анализа (постановка проблемы).

Трансформация современного геополитического пространства Украины. Роль и влияние трансформации пространства на систему социального воспроизводства локальных общностей.

Тема 2. Территориальная структура организации пространства

Понятие территориальности и предпосылки ее существования.

Проявления территориальности (специфические черты организации; формирование групповых характеристик населения).

Основные ограничения, задаваемые территорией для населения и их роль в формировании социальных отношений в регионе.

Способы получения информации об основных проявлениях территориальности.

Тема 3. Категория "расселение". Роль расселения в социально-пространственной организации общества

Основные направления и динамика расселения человека (историко-статистический анализ). Современное состояние социально-демографической сферы.

Проблема адаптации человека к разнообразным условиям среды (биологическим, социальным). Адаптационный синдром как катализатор культурной эволюции человека.

Функция и понятие "система расселения". Географические и социокультурные факторы неравномерного расселения человечества. Заимствование, подражание, традиции как формы исторической преемственности в освоении социального пространства.

Типы пространственной структуры локальных систем расселения. Таксономические единицы локальных систем. Основные формы расселения.

РАЗДЕЛ II. СУЩНОСТЬ, ОСОБЕННОСТИ И ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Тема 4. Общая характеристика социально-территориальных общностей

Соотношение понятий "Общность социальная" – "Общность социально-территориальная". Виды социально-территориальных общностей.

Причины вычленения населения региона в особое социальное образование – территориальную общность.

Условия, влияющие на формирование территориальных общностей.

Пространственные уровни мониторинга проблем социально-территориальных общностей. Социальные показатели и индикаторы процессов жизнедеятельности социально-территориальных общностей.

Тема 5. Социальное воспроизводство населения как основная функция социально-территориальной общности

Понятие и виды воспроизводства населения.

Современная система воспроизводства: характерные тенденции, их причины и прогнозируемые последствия.

Индикаторы экономико-демографического развития населения. Методика разработки интегрированного индекса человеческого развития.

Население как субъект региональной политики государства. Место региональной политики в глобальных общественных процессах. Децентрализация управления и

формирование новой региональной политики. Региональное лобби. Некоторые формы и методы выражения протеста населения регионов.

Тема 6. Процессы и типы урбанизации

Эволюция основных теоретических концепций урбанизации (школа “урбан-социологии” и эволюционистские концепции, концепции дуализма, “школа зависимости”, концепция коэволюции).

Закон агломерации и его действие в процессе урбанизации.

Пространственное развитие урбанизации: направления, характерные черты, факторы разноуровневости урбанизации в отдельных регионах). Влияние урбанизации на социально-психологический климат территориальных общностей.

Тема 7. Город: генезис градообразующей сферы

Возникновение доиндустриальной системы “город-деревня”. Аграрный фундамент городского общества.

Выход “города” за пределы первичного разделения труда. Факторы градообразования. Многофункциональность города.

Основные варианты генезиса городских систем и критерии типологизации городов.

Понятие “городская среда”. Проблема концептуальной модели организации городской среды. Функциональная организация внутригородских территорий.

Исследования бюджетов времени для разработки рекомендаций по совершенствованию территориальной организации городской среды.

Оценка уровня социального развития города/села – основные показатели, индикаторы, методика расчета интегральных индексов.

Тема 8. Сельская местность как элемент социально-поселенческой структуры общества

Понятия “сельская местность”, “деревня”. Аграрная среда как относительно самостоятельная подсистема общества.

Особенности материально-технической базы, социальной инфраструктуры, общественных отношений, стиля жизни крестьянства.

Специфика социально-экономических отношений в аграрном секторе. Основные экономические субъекты сельских территориальных общностей: динамика их развития и специфика отношений между ними.

Генезис социально-политических отношений. Проблема изменения восприятия власти в крестьянском сознании. Трансформация политической элиты села.

Духовная жизнь села как социокультурное явление. Соотношение традиций и новых элементов культурной жизни (постановка проблемы).

Тема 9. Современные тенденции и социально-демографические последствия миграции

Миграция населения как общественное явление. Факторы миграции.

Виды миграции.

Сельско-городские миграции как доминирующее направление территориального движения населения. Основные тенденции международной миграции. Проблема эффективности и рациональности миграционного обмена стран нового зарубежья: беженцы, гастарбайтеры, вынужденные переселенцы, репатрианты, экологические беженцы и т.д.).

Миграция как индикатор социальной политики государства в регионах.

Статистические и социологические методы исследования проблем миграции населения. Методика расчета экономических, демографических и социальных показателей.

Диаспора как инструмент осуществления рационального взаимодействия разных этапов в пределах территориальных образований (постановка проблемы).

Содержание семинарских и практических занятий

Семинар к темам 1, 3 – 4 часа

1. Изменение представлений о социальном пространстве в истории социологии.
2. Основные критерии территориальности и их роль в формировании социальных отношений в регионах. Деформированная территориальность.
3. Факторы размещения человечества. Основные типы пространственной структуры систем расселения.
4. Проблемы трансформации современного геополитического пространства Украины.

Литература:

1. Демографический энциклопедический словарь – М., 1985.
2. Современная западная социология. – М., Наука, 1991.
3. Ковалевский М. Социология. – СПб., 1910., Т.1.
4. Кууси П. Этот человеческий мир. – М., 1988.
5. Душков В.А. География и психология: подход к проблемам. – М., Мысль, 1987.
6. География, политика, культура – Л., 1990., С.51.
7. Зеленков А.И., Водопьянов Л.А. Динамика биосферы и социокультурные традиции – Минск, 1987.
8. Литовка О.П. Проблемы пространственного развития урбанизации – Л., 1976, С.65.
9. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. – М., 1982.
10. Один мир для всех: контуры глобального сознания. – М., 1990.
11. Давыдов А.А. Геометрия социального пространства // Социологические исследования. 1996., №8., С.96.
12. Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал 1995., №1, С.45.
13. Горленко И., Руденко П., Лебедь И., Украина: трансформация пространства/Куда идет Россия? 1996г., Т.1.

Семинар к теме 4. – 2 часа

1. Понятие социальной общности. Принципы обособления групп. Большие и малые социальные группы.
2. Социально-территориальные общности. Структурные и динамические характеристики.
3. Категория локального интереса как отражение места населения территориальной единицы в системе общественных отношений (региональное лобби).
4. Модель поведения субъектов социально-территориальных общностей.

Практическое занятие к теме 4. – 2 часа

1. Разработка индикаторов экономико-демографического развития регионов
 - коэффициент формирования трудовых ресурсов
 - коэффициент формирования трудового потенциала населения
 - продолжительность жизни в трудоспособном возрасте.

Литература:

1. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии / М.Вебер. Избранные произведения. – М., 1990., С.522-546
2. Краткий социологический справочник. – Киев, 1990.
3. Общность социальная, общность территориальная. /Краткий словарь по социологии

– М., 1988., стр. 209-210.

4. Социальные общности. /Социология. – М., 1990., стр. 60-68.
5. Прохоров Б.Б. Экология человека: социально-демографические аспекты – М., Наука., 1991.
6. Межевич М.Н. Территориальная общность людей и социальное развитие в условиях социализма // Социологические исследования 1978., №3., С.21.
7. Корчагин В.П. Индикаторы экономико-демографического развития населения. // Социологические исследования, 1996., №9, С.44.

Практическое занятие к теме 5. - 2 часа

1. Методика разработки интегрированного индекса человеческого развития.
 - Расчет компонентных показателей, характеризующих развитие общества (долголетие, образование, доход).
 - Расчет интегрированного индекса ИЧР.
 - Решение задач (расчет индексов ИЧР областей Украины и их сравнительный анализ).

Семинар к теме 6. - 2 часа

1. Урбанизация как объективный процесс развития мировой истории.
2. Категория “урбанизация” в генезисе социологии города.
 - а) Экологические концепции Чикагской школы урбан-социологии (Р.Парк, Э.Берджесс, Л.Вирт).
 - б) Теория сельско-городского континуума Р.Редфилда и теории модернизации (О.Льюис, Р.Дьюн, Г.Шеберг, Б.Хозелиц).
 - в) Дуалистические концепции об урбанизме (Т.Макджи, Дж.Гернер).
 - г) Школа зависимости и проблемы синхронного развития высокоразвитых и отсталых обществ в рамках мировой экономической системы.
 - д) Концепция коэволюции Н.Моисеева.
3. Пространственное развитие урбанизации.

Литература:

1. Урбанизация. //Демографический энциклопедический словарь– М., 1985.
2. Современная западная социология – М., Наука 1991.
3. Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен – М., Наука, 1990.
4. 1996. Україна. Людський розвиток. Звіт ПРООН. Київ, 1996, С.9.
5. Прибыткова И. Урбанизация в Украине на пороге XXI века // Социология: теория, методы, маркетинг, 1999, 3.
6. Населення України, 1996 рік. Демографічний щорічник. – К., 1997.
7. Хорев Б.С. Проблемы городов – М., 1971.

Семинар к теме 7. - 2 часа

1. Факторы градообразования, основные элементы градообразующей сферы.
2. Городская среда, концептуальная модель развития городской среды, ее принципиальные отличительные признаки и значение для жизнедеятельности населения.
3. Функциональная организация внутригородских территорий (анализ организации городов на примерах).

Практическое аналитическое занятие - 2 часа

1. Разработка инструментария для проведения исследований бюджета времени городского населения.
2. Исчисление интегральных индексов уровня социального развития регионов, их

інтерпретація (сравнительная характеристика уровня развития города и села).

Литература:

1. Социально-демографическое обследование населения, социально-демографические исследования - Демографический энциклопедический словарь – М., 1985.
2. Медведков Ю.В. Человек и городская среда – М., 1978., С.24.
3. Моисеев Н. Мегаполисы как естественный фактор развития человечества // Свободная мысль, 1997., №3., С.62.
4. Железко С.Н. Население крупного города – М., 1986.
5. Системные изменения на территории бывшего СССР // Мировая экономика и международные отношения, 1995., №5., С.140.
6. Социогеографическое исследование образа жизни и его элементов (на примере Эстонской ССР) – Таллинн., 1979.
7. Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен – М., Наука., 1990.
8. Обследование бюджетов времени жителей города и села - Новосибирск, 1981., С.134.
9. Алмов А.А., Случевский В.В.. Век XX: экология и идеология – Л., 1988.
10. Успенский С.В. О проблеме оптимального города / Процессы и типы урбанизации. Материальные документы симпозиума К-20 -Л., 1976., С.61.
11. Бедный М.С. Продолжительность жизни в городах и селах – М., 1976., С.19 .
12. Победа Н.А. Урбанизация и развитие культуры. Кишинев, Штиинца, 1976, Глава I. Методологические принципы исследования урбанизации., С. 12-38.

Семинар к теме 9

1. Понятия миграции как индикатора социальных изменений общества: факторы, причины, направления, виды.
2. Современные тенденции сельско-городских миграций.
3. Миграционный потенциал населения нового зарубежья.
4. Влияние реформирования экономики на процессы международной миграции.
5. Этнические общества, национальные объединения, диаспоры на территории Одесской области и Украины (по примерам социологических исследований).

Литература:

1. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования //Социологические исследования, 1996.,№12.,С.33.
2. Пирожков С.И. Демографические потери Украины в результате социальных катастроф 30-40 гг. // Всесоюзная конференция по исторической демографии. Тезисы докладов - М., 1991., С.5.
3. Тарасова Н.В. Сельско-городские миграции в России: современные тенденции и социально-демографические последствия // Социологические исследования, 1995., №12., С.48.
4. Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал русского населения в странах нового зарубежья //Социологические исследования, 1996., №11., С.31.
5. Варданян Р.А. Влияние реформирования экономики на процессы международной миграции // Социологические исследования, 1995., №12., С.58.
6. Красинец Е.С., Баринова Н.М. Гастарбайтеры в России. // Социологические исследования, 1996., №3., С.65.
7. Наумова Т.В. "Утечка умов" из России. // Социологические исследования, 1996, №6., С.138.
8. Внутророссийская миграция населения: нынешняя ситуация и прогноз. // Социологические исследования, 1994., №1., С.31.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

"Социология территориальных общностей"

1. Понятие социального пространства и его эволюция в истории социологии.
2. Основные характеристики социального пространства, виды пространств.
3. Определяющие Формы и факторы трансформации современного геополитического пространства Украины.
4. Понятие и предпосылки территориальности.
5. Основные ограничения, задаваемые территорией для населения.
6. Понятие адаптации, адаптационный синдром как фактор культурной эволюции.
7. Роль социокультурных традиций в освоении социального пространства.
8. Типы пространственной структуры систем расселения.
9. Основные таксономические единицы локальных систем.
10. Понятие социальной общности и социально-территориальной общности.
11. Условия и причины формирования социально-территориальных общностей.
12. Основные виды мониторинга проблем социально-территориальных общностей: комплекс показателей и индикаторов.
13. Понятие и виды воспроизводства населения.
14. Население как субъект региональной политики государства.
15. Место региональной политики государства в глобальных общественных процессах.
16. Формы и методы протестного поведения населения региона.
17. Эволюция основных теоретических концепций урбанизации.
18. Пространственное развитие урбанизации и закон агломерации.
19. Мегаполисы как естественный фактор развития человечества.
20. Генезис градообразующей сферы города.
21. Основные критерии типологизации городов, функции городов.
22. Методы социологических исследований по разработке рекомендаций по оптимизации городской среды. Бюджет времени. Пространственно-городская сегрегация.
23. Методика разработки показателей уровня развития города/села.
24. Понятие аграрной подсистемы общества: особенности сфер жизнедеятельности крестьянства.
25. Специфика политико-экономических и духовных отношений на селе.
26. Понятие миграции населения: виды, факторы, направленность.
27. Современные тенденции миграционного обмена.
28. Этнические общности и общества, диаспоры на территории Одесской области и Украины и их значение.
29. Совокупность методов диагностики социальных проблем территориальных общностей.

Краткий словарь основных терминов

1. *Адаптация* – многосторонний и многокачественный процесс смены биологических, в частности, генетических, физиологических, психофизиологических, социальных уровней, обеспечивающих целостность взаимодействия человека и природы.
2. *Взаимодействие социальное* – взаимное влияние различных сфер и процессов общественной жизни, осуществляющееся посредством социальной деятельности. Оно имеет место как между обособленными объектами (внешнее взаимодействие), так и между его элементами (внутреннее взаимодействие).
3. *Воспроизводство социальное* – процесс эволюции системы социальных отношений, социальной структуры, системы социальных институтов, организаций, системы норм и ценностей в рамках их циклического воспроизводства. Специфика социально-территориальных общностей состоит в том, что объединяя и интегрируя деятельность социальных институтов, они обеспечивают формирование и развитие потребностей и интересов индивидов, способы их удовлетворения, тем самым, обеспечивая

воспроизведение системы как целостности.

4. Движение населения механическое – вид движения населения, который характеризует один из моментов возобновления территориальной структуры пространства. Оно представляет собой движение населения в виде совокупности индивидов как физических тел, перемещения индивидов в физическом пространстве.

5. Общность социальная – совокупность людей, которую характеризуют условия их жизнедеятельности, общие для данной совокупности индивидов; принадлежность к исторически сложившимся территориальным образованиям, принадлежность к тем или иным социальным институтам. Функционирование и развитие общности социальной происходят на основе социальных связей и взаимодействия ее элементов.

6. Общность социально-территориальная – совокупность людей, обладающих единством отношения к определенной территории. Вычленение населения определенной территории в специальное социальное образование – социально-территориальную общность. происходит в силу своего рода закрепления данного населения за определенными локализованными условиями жизнедеятельности и формирования у данной социальной группы совокупности определенных интересов.

7. Пространство социальное – совокупность внешних условий жизнедеятельности, характеристик среды обитания, создающих основу социокультурного воспроизводства социально-территориальных общностей. В данную совокупность включены экономические, демографические, расселенческие, культурные и другие условия, определяющие положение индивидов в социуме.

8. Расселение – процесс исторически складывающегося размещения населения по территории мира в целом, с одной стороны, и пространственной организации общества, его структуры в определенный момент времени, с другой стороны.

9. Структура социально-территориальная – совокупность устойчивых общностей людей, формирующихся на основе социальной неоднородности условий жизнедеятельности в различных территориально-административных образованиях и отношений между этими общностями.

10. Территориальная идентичность – переживаемые или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей (как субъективной социально-географической реальности), формирующие "практическое чувство" или сознание территориальной принадлежности индивида.

11. Территориальность – процесс изменения территории в ходе ее использования людьми, с одной стороны, и изменение групповых свойств людей, использующих данную территорию, с другой стороны.

12. Урбанизация – процесс возрастания роли и удельного веса городских поселений в социально-территориальной структуре общества.

ОСНОВНІ ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ СОЦІАЛЬНОЇ ІНФРАСТРУКТУРИ ТУРИЗМУ

Defining the role and the meaning of tourism's infrastructure as a factor of economic and social flourishing of society.

Analyzing the basic factors that determining the potential possibilities of tourism's development.

Substantiating the necessity of the systematic development of the tourism's social infrastructure as the permanent factors.

Висвітлюється роль і значення соціальної інфраструктури туризму як чинника економічного та соціального процвітання суспільства. Аналізуються основні фактори, що визначають потенційні можливості розвитку туризму. Обґрунтовується необхідність планомірного розвитку соціальної інфраструктури туризму як формуючого чинника.

Ключові слова: туризм, соціальна інфраструктура, соціальне планування, аналіз.

В сучасних умовах соціальна інфраструктура туризму – важлива характеристика рівня економічного і соціального розвитку суспільства, показник ширини і глибини використання матеріальних можливостей для раціональної життєдіяльності людей.

Значення соціальної інфраструктури туризму виявляється перш за все в тому, що вона може підвищувати або зменшувати ефективність діючої структури туризму. Її стан відображає соціальний потенціал, зрілість існуючої матеріальної бази. В наш час розвиток соціальної інфраструктури туризму має великий вплив на всі без винятку процеси, що проходять в туризмі, як, наприклад, раціональне використання трудових ресурсів, міжнаціональні відносини населення, здоров'я людини і т.д. Практично немає такої сфери суспільного життя, де не виникло питання про зміцнення і нормальне використання матеріально-речових елементів. Між іншим, такий взаємозв'язок соціальної практики та умов життєдіяльності людини виявляється в тому, що, з одного боку, здійснення цілей людини обов'язково передбачає наявність матеріально-речових елементів; з іншого боку, інфраструктура впливає на свідомість і поведінку людини.

Планомірний розвиток соціальної інфраструктури туризму – багатоаспектна проблема, яка потребує вирішення багатьох питань наукового управління.

Наукове управління суспільним життям, на думку фахівців, вимагає розглядати соціальне планування як єдність пізнавальної і суспільно-перетворюючої діяльності, а також бачити його специфіку в усіх сферах суспільного життя – економіці, соціальній сфері, сфері відпочинку і т.д. З огляду на сказане, автор вважає актуальним вирішення завдань ефективного функціонування туристської сфери шляхом використання різноманітних методів соціального планування.

Туризм в Україні як галузь народного господарства не визнається сьогодні суспільством на рівні, що відповідав би його долі в економічній діяльності. Одна з причин такого положення носить статистичний характер. У більшості існуючих статистичних систем неможливо адекватно відобразити весь масштаб і діапазон видів економічної діяльності, що пов'язані з туризмом. У зв'язку з тим, що державним

органам та суспільству в цілому неможливо пояснити масштаб туризму мовою фінансових показників, його сильний вплив на економіку, суспільство та міжнародні відносини, відсутній достатній інтерес до розробки відповідної, яка базується на значній інформації, державній політиці в цій області.

Недостатня інформація про значення туризму є однією з причин ігнорування цього сектору в національних планах розвитку України. Наявність надійної статистичної інформації на постійній основі сприятиме вирішенню ряду принципових потреб. Основні аспекти, що потребують надійної інформації можна розділити на три групи:

- * Об'єми та розподіл туристських потоків
 - кількість туристів
 - кількість туристських ночівок
 - найбільш відвідувані місця
- * Соціальне значення
 - освіта та досвід
 - реалізація психологічних потреб
 - взаєморозуміння та соціальна гармонія
 - вплив на соціальне середовище і культуру
 - екологія та оточуюче середовище
- * Економічне значення
 - доля у валовому національному доході
 - зайнятість та доходність
 - податкові надходження
 - регіональний розвиток
 - культурний вплив

Передумовою розробки цілеспрямованої політики та програм розвитку в області туризму з метою досягнення високих результатів є планування розвитку в області туризму.

Основними етапами процесу планування в будь-якому секторі економіки є наступні:

- визначення цілей та задач;
- аналіз стану та прогнози;
- розробка напрямів політики та фізичних планів
- моніторинг та зворотний зв'язок.

Розширена статистична інформація є обов'язковою умовою на кожному етапі планування. Цей процес починається з визначення конкретних задач та цілей і містить кількісну оцінку розвитку цієї діяльності в перспективі. Задачі розвитку туризму можуть охоплювати економічні, соціальні і релігійні аспекти.

Аналіз стану та прогнозування містить дослідження факторів попиту та пропозиції, а також вивчення параметрів екологічного чи іншого впливу.

Аналіз попиту розпочинається з визначення продукту. В області туризму беруть за основу природні та історичні визначні місця, а також засоби доступу до них і їх використання. У зв'язку з цим, попит проявляється на групу продуктів, які комбінують самі туристи, або комерційні постачальники з метою задоволення потреб туриста. Таким чином, аналіз попиту повинен пов'язуватись з усіма кінцевими компонентами туристського продукту.

Основною задачею планування розвитку туризму є оптимізація використання туристських ресурсів шляхом встановлення відповідності змінних попиту та пропозиції. Пропозиція в області туризму містить транспортні об'єкти, засоби розміщення, пункти громадського харчування, заходи розваг та комерційні об'єкти тощо. У зв'язку з цим статистичні бази даних про наявність цих об'єктів, коефіцієнти їх використання, плани подальшого розвитку і т. ін. являються важливими елементами при оцінці відмінностей між попитом та пропозицією і для розробки безпосередніх планів дій.

Як попит, так і пропозиція систематично контролюються у відповідній системі

факторами середовища. До них можна віднести: ресурсний потенціал, характеристики місцевого населення, кліматичні умови, соціокультурне середовище та граничні рівні інших факторів. Чітке розуміння цих факторів та їх вплив на розвиток туризму є обов'язковою умовою для ефективного планування туризму.

Аналіз факторів, що впливають на розвиток і економіку туризму, і узагальнення зарубіжного досвіду, показує, що однією з умов раціонального формування матеріальної бази, а також підвищення економічної ефективності підприємств туризму, є забезпечення їх комплексності на основі створення системи багатофункціональних підприємств з прийому та обслуговування туристів.

Проекти розвитку туризму і створення туристських комплексів повинні базуватися на розробці сценарних планів подорожей та програм діяльності контингенту туристів, для яких і проектується просторове середовище, що повинно відповідати усім видам та формам туристської діяльності. Це середовище містить об'єкти показу, підприємства прийому туристів та їх обслуговування, що складають єдину взаємопов'язану систему "виробництва" вражень та послуг.

При цьому, особливо в наших умовах ціноутворення, важливо враховувати, що основним джерелом прибутку від туризму в національному доході є сфера обслуговування. Транспортні послуги, готелі, мотелі, кемпінги і ін. для туристів складають тільки частину системи обслуговування і дають дохід з невисокою нормою прибутку. Значну частину доходів та коротким терміном окупності складають підприємства та заклади додаткового обслуговування туризму. До їх числа відносяться підприємства сувенірної промисловості, торгівлі, "цікавого" харчування, заклади відпочинку, ігор і розваг тощо.

Потенційні можливості залучення стійкого потоку туристів визначаються рядом факторів. Вивчення і аналіз цих факторів є основою для розробки планів туристських подорожей в певному регіоні і визначення на цій основі структури туристських підприємств, їх призначення та потужність.

Після освоєння інформації про природні умови, історико-культурні особливості та пам'ятники, про сучасний розвиток регіону необхідно скласти плани уточнення цих даних та перелік питань до спеціалізації.

На даному етапі головна увага повинна бути спрямована на вивчення визначних місць території, що планується для освоєння туризмом, до неї відносяться:

- історія регіону з найдавніших часів до наших днів, пам'ятники історії і культури, ансамблі і пам'ятники архітектури, археології, їх стан та готовність для показу туристам, пам'ятні місця історичних подій, життя і діяльності визначних людей;
- об'єкти сучасної культури, що представляють інтерес для ознайомлення з вітчизняними досягненнями;
- стан і отримання музеїв, наявність екскурсійних та туристських маршрутів, а також стан матеріальної бази туризму, об'єкти, форми та рівень їх розвитку;
- природно-кліматичні і ландшафтні особливості, як з точки зору їх привабливості, так і з точки зору створення комплексів відпочинку, а також їх оцінки для розвитку спортивно-оздоровчих форм туризму – піших походів, гірських підйомів тощо;
- місцеві національні традиції в народних художніх промислах з врахуванням особливостей, що притаманні кожному із пунктів або регіонів. При цьому важливо зібрати дані не тільки про існуючі форми виробництва та види виробів, але і матеріали про втрачені традиції, які можуть бути відновлені як одна із важливих форм організації виробництва художньої сувенірної продукції;
- дані про місцеві національні традиції у приготуванні їжі, які збереглися до нашого часу, та відомі за історичними джерелами; ці матеріали дозволять створити в структурі кожного регіону, притаманні тільки цим місцям підприємства харчування, а також врахувати ці традиції при розробці програм і планування виробництва харчових сувенірів;

дані про стан і можливості використання фауни для визначення перспектив включення в систему туризму мисливських угідь, рибальських баз, а також для використання мисливських продуктів для "цікавого" харчування;

– дані про етнографічні місцеві особливості і традиції в одязі, звичаях, музиці, танцях і піснях як основи для включення в програми діяльності туристських підприємств свят, масових дій та театралізованих показів.

Для розрахунку основних параметрів системи туристських підприємств перш за все необхідно визначити попит на подорожі, зовнішні зв'язки та внутрішню пропускну спроможність основних об'єктів відвідання.

Визначення потенційного потоку вітчизняних туристів необхідно проводити з врахуванням потреб населення у туристських подорожах, як короткочасних (подорожі у вихідні дні) для районів, які близько розташовані до території, що розглядається, так і довготривалих (під час відпустки) з врахуванням розподілу за сезоном, видам та цілям подорожі. В розрахунках також слід враховувати дані про темпи росту потоку в даний регіон в минулому, а також потенційні можливості щодо залучення різних категорій туристів: зі спортивно-пізнавальними цілями, для мисливства, рибальства тощо.

Розрахунок потенційних потоків туристів за формулами дає лише приблизні показники, які дають можливість визначити укрупнені параметри наповнення даного регіону.

На розрахунок потенційного потоку іноземних туристів в даний регіон впливає дуже багато факторів і перш за все кон'юнктура міжнародних відносин та зовнішньополітичні зв'язки. Однак існують об'єктивні показники, що впливають на формування потоку іноземних туристів, врахування яких дає можливість розрахувати основні його параметри.

Для розрахунку потоку у відповідний регіон важливо визначити і долю потенційного потоку інтуристів, яку може привабити регіон. Тут слід врахувати об'єктивні показники росту потоку і дані попиту на відвідання конкретного регіону. Останній показник залежить не тільки від об'єктивних потенційних можливостей залучення туристів, але і від ряду факторів організації туризму.

Перш за все це:

– можливості показу пам'ятників історії, культури, досягнень сучасності, а також природні умови, які розглядаються з врахуванням особливостей потоку;

– рівень комфортності підприємств прийому туристів, гарантування різноманітності вражень і форм відпочинку;

– організація реклами, яка активно впливає на спрямованість потоку і в деяких випадках визначає активність розвитку туризму.

Ці фактори аналізуються шляхом розгляду різних варіантів програм створення комплексу туристських підприємств, об'єму та структури приймаемого потоку туристів.

Розрахункові параметри потоку вітчизняних та іноземних туристів служать основою для розрахунку необхідного об'єму туристських послуг, визначення раціональної місткості та видів обслуговування підприємств, оцінки економічних показників будівництва і експлуатації проектних туристських підприємств.

Плановий об'єм туристів різних категорій з врахуванням сезонних коливань розподіляється на основі часу пересування, прибуття і усіх видів діяльності в кожному пункті туризму. Це дає можливість визначити потужність необхідної для прийому і обслуговування системи підприємств в кожному пункті з їх добовим заповненням в піковий період сезону.

Матеріальна база системи туристських підприємств повинна враховувати всі притаманні туристам види діяльності. При цьому необхідно намагатися створювати таку систему висококомфортного обслуговування, яка, будучи взаємопов'язаною як у функціонально-планувальному відношенні, так і в організаційному і економічному,

зможє забезпечити високорентабельну роботу підприємств індустрії туризму.

Комплексна система туристського обслуговування передбачає такі групи заходів:

1. Забезпечення основних видів послуг з прийому та розміщенню туристів, будівництво готелів, кемпінгів, турбаз, мотелів, підприємств харчування, транспортних підприємств.

2. Розвиток музейних експозицій, організація показу визначних місць.

3. Забезпечення додаткових видів обслуговування туристів у вільний час (виробництво та реалізація сувенірів, організація підприємств "розважального" харчування, культурно-видовищних закладів, підприємств відпочинку, спорту, розваг, ігор тощо).

4. Організація господарського обслуговування, створення базових підприємств харчування, комунально-побутового обслуговування, транспорту, інженерне забезпечення підприємств туристського комплексу, будівництво житла для персоналу, організація закладів по підготовці кадрів тощо.

Все це вимагає створення різноманітних туристських підприємств.

Кожний тип підприємства має свої типологічні особливості функціональної структури та організації експлуатації, які необхідно враховувати при введенні їх в систему туризму.

Література:

1. Марчук П.П. Соціологія. Навчальний посібник. – Тернопіль., –1998.
2. Орлов М.А. Крупные туристские центры. – М., – 1983.
3. Петрова З.А. Методология и методика социологических исследований культурно-досуговой деятельности. Учебное пособие. – М., – 1990.
4. Саенко Ю.И. Моделирование показателей развития социальной инфраструктуры. – К., –1991.

Чучко Д.Ю.

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

In this article there are considered the features of modern religious situation in Ukraine. In particular, there are examined the reasons of occurrence and flourishing of wide set of religious movements, which have no old traditions in Ukrainian society. These movements are characterized by their variety and heterogeneity and it causes the lack of information about their activity, dogmas and cults. The author tries to ground the necessity of detailed sociological research of such movements for elimination of the conflicts in the sphere of religion.

В даній статті розглядаються особливості сучасної релігійної ситуації в Україні. Зокрема, піддаються аналізу причини виникнення та розквіту цілого ряду релігійних рухів, що не мають давніх традицій в українському суспільстві. Ці рухи характеризуються великим розмаїттям та неоднорідністю, що служить причиною нестачі інформації про їх діяльність, віровчення та культ. Автор намагається обґрунтувати необхідність детального соціологічного та релігієзнавчого дослідження таких рухів для усунення конфліктів у сфері релігії.

Ключевые слова: новые религиозные движения, религиозная ситуация, религиозная традиция, конфессия, религиозные ценности, религиозные организации, вероучение, культ.

Одна из основных особенностей трансформирующегося общества – это кризис стержневых социальных ценностей и норм, кризис, который в той или иной мере затрагивает все структуры общества – от отдельного индивида до крупнейших социальных институтов. Такой кризис неизбежно порождает как формирование совершенно новых для данного общества ценностей и норм, так и возрождение старых, считавшихся до этого забытыми или полузабытыми. Сегодня мы можем наблюдать возврат к религиозным ценностям, которые в свое время были утрачены вследствие действия официальной атеистической доктрины во время существования СССР. Имея многовековую историю, играя значительную роль в духовной культуре, слившись со светской моралью, религиозные ценности и морально-этические нормы актуализировались в посткоммунистическом обществе, что повлекло за собой всплеск активности религиозной деятельности и увеличение количества зарегистрированных религиозных организаций – традиционных церквей и возникших недавно.

Сегодня религиозная сеть Украины прекратила свой стремительный рост, и динамика появления новых религиозных организаций находится в пределах 5-7% в год [2, с.25]. Специфика религиозной ситуации в Украине такова, что религиозная конфигурация является неоднородной, сегодня в нашей стране действуют 21843 зарегистрированных религиозных организации 80 различных конфессий [2, с.27]. Эта неоднородность является проявлением общей тенденции плюрализации культуры, которая характеризуется появлением различных моделей осмысления и освоения мира, в том числе и в области религии.

Появление и функционирование такого обилия и разнообразия форм вероучения и религиозного культа в нашем обществе обусловлено рядом причин, среди которых

Чучко Дмитрий Юрьевич – ассистент кафедры философии, социологии, религиоведения Харьковского государственного медицинского университета, аспирант кафедры прикладной социологии Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина (т.: (0572) 40-26-38)

следует выделить следующие.

Во-первых, крушение господствующих коммунистических ценностей породило ценностно-нормативный вакуум, который стали заполнять возрождающиеся формы духовности, прежде всего, религия. Но, поскольку активная антирелигиозная деятельность на протяжении десятилетий привела к разрушению религиозной традиции (кроме западных областей, где религия всегда играла значительную роль в духовной и культурной жизни общества), произошла активизация религиозного поиска, вплоть до своеобразного экспериментирования, побуждающего отдельного индивида обращаться к самым экзотическим религиозным течениям.

Во-вторых, зарубежные религиозные организации, имея немалый опыт миссионерской деятельности, оперативно среагировали на повышенный "спрос" на религию и развернули широкую религиозно-пропагандистскую работу на территории Украины, предлагая то, чего не в состоянии были предложить традиционные церкви: индивидуальный подход и активную заинтересованность в потенциальном последователе той или иной религии, заботу и поддержку со стороны других верующих, т.е. такое отношение, в котором особенно остро нуждается человек в период разрушения социальных связей, отражавших структуру советского общества.

В-третьих, украинская религиозная жизнь своей неоднородностью во многом обязана появлению новых религиозных движений (т.е. религиозных организаций, деятельность которых не имеет в нашей стране давних традиций). Бум новых религий, начавшийся в Западной Европе и Северной Америке в 70-х годах XX столетия как ответ на кризис традиционных ценностей современного западного общества, докатился до нашей страны 7-8 лет назад и стал возможен благодаря принятию Закона "О свободе совести и религиозных организациях".

Поликонфессиональность подразумевает взаимную религиозную терпимость и готовность к всестороннему диалогу. Этими качествами наше общество, к сожалению, еще не обладает. Об этом свидетельствует ситуация, сложившаяся вокруг новых религиозных движений: со страниц средств массовой информации, со стороны общественных организаций и представителей традиционных церквей раздаются огульные обвинения в адрес "тоталитарных" и "деструктивных" культов. Научный термин "секта" приобрел ярко выраженную негативную эмоциональную окраску и позволил недобросовестным критикам вешать этот ярлык на все без исключения новые религиозные организации – как вполне безобидные, так и действительно социально опасные. На самом деле, как отмечают западные и отечественные исследователи [2, с.27; 5, с.31], новые религиозные движения отличаются большим разнообразием и не позволяют говорить о них как о едином течении.

Призывы представителей традиционных церквей прекращать деятельность новых религиозных организаций насильственным путем во многом основаны на убеждении, что они имеют большое число последователей и, разрастаясь, начинают угрожать сферам влияния исторически сложившихся церквей. В действительности, число приверженцев неорелигий не превышает 0,1% от всего населения Украины, что составляет 50-55 тыс.; количество организаций новых религий не выходит за пределы 2,6% от всех религиозных организаций (559 против 21843) [2, с.25,27].

Информация о том, что адепты неорелигий владеют методами некоего "зомбирования", "психотронного" воздействия не подтверждается, однако опыт деятельности некоторых организаций (таких, как, например "Белое Братство") демонстрирует, что они могут обладать навыками психологического манипулирования, которое становится возможным благодаря сужению круга общения членов той или иной религиозной общины, сокрытию истинной информации о ее деятельности и ограничению доступа посторонних, "непосвященных" [3, с.15]. Таким образом, должна вызывать опасения деятельность таких религиозных организаций, которые носят или стремятся приобрести "закрытый" для общества характер, противопоставляют себя

обществу и при этом нарушают права и свободы человека.

Новые религиозные движения носят чрезвычайно разнообразный характер и требуют дифференцированного к себе отношения, что подразумевает наличие всесторонней информации о целях и задачах деятельности, об организационной структуре, элементах вероучения и культа.

Исследованию нетрадиционных религиозных движений в нашей стране уделялось недостаточное внимание, социальный портрет членов многих общин не ясен, не известны их ценностно-нормативные ориентации и мотивы, по которым они обращаются к той или иной религии. Именно плюрализация религиозной жизни требует детального изучения, прежде всего религиоведческого, которое позволило бы выяснить, что именно в вероучении и культе той или иной религии представляет опасность для общества; и социологического, могущего дать более четкое представление о причинах, последствиях и характере возникновения нетрадиционных форм религиозности.

Только открытость, полнота информации, и добрая воля всех участников религиозной деятельности позволят Церкви играть позитивную роль в возрождении духовной культуры Украины, служить интересам целостности и стабильности украинского общества, помогать решению возникающих конфликтов и социальных проблем.

Литература:

1. Балагушкин Е.Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // Общественные науки и современность. – 1996. – № 5.
2. Інформаційний звіт Державного комітету України у справах релігій за 1998 рік "Про стан та тенденції розвитку релігійної ситуації, державно-церковних відносин в Україні" // Людина і світ. – 1999. – № 2.
3. Карагодіна О. Особа в "секті": що далі? // Людина і світ. – 1998. – № 5-6.
4. Пейкова З.И. Об исследовании нетрадиционных конфессий // Социологические исследования. – 1998. – № 2.
5. Проблема новітніх релігійних рухів в Європарламенті // Людина і світ. – 1998. – № 8.

Дубликаш Т.Н.

ФУНКЦИИ СРЕДНИХ СЛОЁВ И ПОКАЗАТЕЛИ ИХ ЗРЕЛОСТИ

The proposed article contributes to the current discussions on middle classes. The author argues that the most influential way to define middle class on the basis of income does not explain the role and functions of middle class in society. She argues that the concept of social maturity of groups should be accentuated for more extensive exploration by sociologists.

Подана стаття є внеском у дискусію щодо середніх прошарків сучасного суспільства і, зокрема, України. Автор протиставляє найбільш поширений підхід розглядання середніх прошарків як тих, що мають певний матеріальний прибуток, функціональному підходу, який дозволяє розглядати роль середніх прошарків у суспільстві та оцінювати рівень їх зрілості згідно з виконанням притаманих їм функцій.

Ключевые слова: социальная зрелость, средние слои, функции среднего класса.

Повышение общественной значимости средних слоев в современном обществе привело к усилению внимания к ним со стороны социологов. Актуальными вопросами становятся не только специфика формирования и функций среднего класса, их выполнение/невыполнение, но даже критерии выделения средних слоев. И поскольку в этих вопросах еще не сложилось четкого представления о сущности среднего класса, понятие класса часто употребляется вместо понятия слоя. Иногда, понимая, что в обществе мы имеем дело скорее с социальными слоями и даже с отдельными группами в составе средних слоев, исследователи определяют их как класс, чем, с одной стороны, искажают картину социальной действительности, а с другой, нивелируют особую смысловую нагрузку категории класса. Не заостряя внимания на этой путанице в понятиях, но, все же признавая ее существование, в данной статье мы представляем свой взгляд на основной недостаток при анализе среднего класса в современных дискуссиях по этой теме, а именно, – чрезмерное внимание к материальному положению как основному структурирующему фактору в ущерб функциональным особенностям различных слоев.

Английский социолог Т.Маршалл считает, что "рост среднего класса является важнейшим итогом развития западного общества на протяжении первой половины нынешнего века". Маршалл прямо утверждает, что "почти все западное общество превращается в огромный средний класс"[1, с.82]. Той же точки зрения придерживается З.Т.Голенкова, по данным которой агрегированный средний класс составляет на Западе от 50 до 75 % занятого населения. Но такой средний класс сложился в результате естественного процесса: "Мы сегодня пытаемся создать средний класс искусственно, в пожарном порядке"[2, с.49].

Насколько верен вывод о тенденции такого огромного роста среднего класса на Западе? Происходит ли это из-за того, что основная масса населения начинает исполнять функции среднего класса, или потому, что забытой оказывается специфика среднего класса и потому критерии выделения групп среднего класса становятся неадекватны? Или здесь имеет место тот же эффект, о котором писал С.Н.Надель: "Значительная часть представителей средних слоев населения в ответ на поставленный перед ними вопрос, к какому классу они относятся, называют именно "средний класс". Но в

Дубликаш Татьяна Николаевна – аспирантка кафедры социологии Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина

понимании основной массы средних слоев "средний класс" скорее символ престижа, нежели понятие, обозначающее подлинное место определенной группы в системе общественного производства. Принадлежность к "низшему классу" кажется многим опрашиваемым умалением собственного достоинства и своей общественной значимости. В то же время, интуитивно осознавая, что до "верхнего класса" им далеко, они относят себя к "среднему классу"[1, с.81].

Такая мода на "средний класс" в настоящее время свойственна не только западным обществам, но и постсоветским. Средний класс становится основным агентом социального действия, или историческим агентом. В этом отношении очень смущает выделение материального положения как "основного структурирующего фактора". Например, говоря о современной структуре России и основываясь на данных по Краснодарскому краю, З.Т.Голенкова приводит следующие цифры: "Доля неимущих, к которым мы относим лиц, располагающих минимальными средствами для покрытия повседневных расходов, то есть для поддержания жизни, – составляет около 20%. 57% образует слой малообеспеченных, тех, у кого есть средства не только на повседневные расходы, но и в случае крайней необходимости – для лечения и мер по поддержанию здоровья. 15% составляют обеспеченные, обладающие средствами, достаточными для того, чтобы обновить предметы длительного пользования, регулярно отдыхать и т.д. Состоятельные – способные поддерживать высокий уровень жизни – насчитывают около 5%, а богатые – 0,7%"[2, с.49].

Глядя на подобные цифры, нельзя не почувствовать огромному количеству малообеспеченных людей и не пожалеть, что доля средних слоев настолько мала. То есть само выделение материального положения в качестве структурирующего фактора лишает картину социальной действительности той динамики, которая получится, если мы будем рассматривать не материальное положение индивидов, а социально-экономическое, то есть сместим фокус с денег как результата вознаграждения за труд (а, следовательно, и всех негативных несогласованностей в оплате труда в трансформирующемся обществе) на производственные отношения, лежащие в основании выделения классов. Тем самым объектом изучения станет не индивид, располагающий определенным количеством финансовых ресурсов, а индивид деятельный, участвующий в процессе общественного производства. Другими словами, позиция Е.Д.Игитханян, когда она говорит о становлении новых экономических классов – собственников и наемных работников, нам ближе, чем деление той же совокупности на богатых и малоимущих. Место и роль среднего класса в первой и второй трактовке совершенно различны. Если в первом случае средний класс можно рассматривать в функциональном плане, то вторая трактовка делает средний класс той социальной нишей, к которой, по логике, должна устремляться вся масса малоимущих.

Именно исследование функций среднего класса и того, насколько средние слои конкретного общества выполняют их, позволяет говорить о существовании/отсутствии, многочисленности/малочисленности, значимости/слабости и т.д. среднего класса, а не исследование уровня потребления, доходов или даже социального самочувствия.

Средний класс – это интегративный класс, он не столько находится "между" высшим и низшим, сколько связывает их в единое целое, отсюда вытекает и специфика его функций. Средний класс выступает посредником между верхами и низами общества, он представляет как интересы низов перед правящим классом, так и интересы элиты перед низами. В этом качестве существенной его характеристикой является общественная "необособленность", т.е. средний класс – социально активный класс. В своей деятельности он, с одной стороны, стабилизирует социальную ситуацию за счет конструктивных форм своей деятельности, а с другой стороны, работает на благоприятное развитие социальной ситуации. Иными словами, еще одной важной функцией среднего класса является повышение социокультурного потенциала общества.

Симптомы, указывающие на неадекватное функционирование среднего класса,

его малочисленность, слабость, неразвитость и т.д., могут быть следующими:

а) прежде всего, это обособленность средних слоев, работа только на себя, а не на общество в целом, т.е. социальная аномия;

б) маргинальность среднего класса или его социальная незначимость, т.е. лишение его каких-либо функций в конфликте между низами и верхами, вытеснение среднего класса из общественного конфликта;

в) пассивность среднего класса, ведущая к стабилизации ситуации в обществе, но к такой стабилизации, которая не способствует росту социокультурного, экономического, политического и прочих потенциалов общества, а ведет к проявлению застойных явлений.

Можно приводить и другие функции, и возможные недостатки в их выполнении средним классом. Важно подчеркнуть, что, говоря о любом классе, в том числе и о среднем, мы должны понимать, что успешное выполнение функций определенным классом зависит от степени его социальной зрелости. Незрелость среднего класса в современной Украине, как впрочем, и в других странах бывшего СССР, вынуждает нас рассматривать скорее группы в составе средних слоев, чем сам средний класс. Средние слои необычайно пестры и потому представляют определенную проблему для их изучения в целом: это и предприниматели, и работники правоохранительных органов, менеджеры, юристы, церковные служащие, медики, политики и пр.

Поэтому на данном этапе разработки проблематики мы ограничимся выделением показателей социальной зрелости групп, а не класса, существование которого пока сомнительно. Мы считаем, что к социально зрелым группам могут относиться те, которые:

а) выполняют определенные социальные функции;

б) обладают достаточной сплоченностью или общей идентичностью, что превращает их в реальных агентов социального действия;

в) имеют представление о сути социальных процессов и о своем положении в системе социальных связей;

г) выделяют свои интересы и ориентируются на объединение усилий по их достижению;

д) имеют программы действия и отстаивания своих интересов;

е) в своей деятельности руководствуются принципами, присущими данной группе, а не какой-либо другой.

Социальная зрелость групп определяется не только фактическим существованием группы в структуре общества и сознании ее представителей, но и способностью к воспроизводству своей деятельности на особых принципах, присущих только данной группе, своеобразной "выживаемостью" группы.

В заключении хочется отметить, что, по нашему мнению, социология значительно выиграла бы, если бы обратилась к анализу социальной структуры с позиций деятельностного подхода, учитывающего не только сторону материального положения социальных агентов, но и их активно проявляющуюся жизненную позицию, включенность в процессы общественного производства.

Литература:

1. Надель С.Н. Современный капитализм и средние слои. – М.: "Наука", 1978.
2. Динамика социальной структуры и трансформация общественного сознания ("круглый стол") // Социологические исследования. – 1998. – № 12.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ

The main theme of the paper is the maturation of social consciousness and it is considered by means of concepts of groups' social maturity, social qualities, identification, cultural performance, life style and forms of life. L.Ionin's concept of identification as a cultural performance is elucidated and a conclusion that the maturation of big social groups' social consciousness by means of a cultural performance is not probable. An emotional identification is also considered and it is shown that the emotional identification may play an important role in social qualities formation (altruism, for example).

Главным питанням статті є визрівання соціальної свідомості, яке розглядається автором за допомогою понять "соціальна зрілість соціальних груп", "соціальні якості", "ідентифікація", "культурне інсценування", "стиль життя" та "форма життя". Розглядається концепція Л.Іоніна про ідентифікацію як культурне інсценування і доводиться, що визрівання свідомості великих соціальних груп через ідентифікацію за типом культурного інсценування є мало ймовірним. Також розглядається емоційна ідентифікація, яка виграє значну роль в формуванні соціальних якостей (на кшталт, альтруїзму).

Ключевые слова: созревание социального сознания, социальная зрелость социальных групп, социальные качества, идентификация, культурная инсценировка, стиль жизни, форма жизни.

В условиях трансформации социальной структуры современного украинского общества как традиционные, так и недавно образовавшиеся социальные группы можно назвать маргинальными [1]. Некоторые исследователи считают, что в современном трансформационном процессе преобладают дезинтеграционные тенденции, и что социальное неравенство в дальнейшем будет углубляться [2], а это не может не отразиться пагубно на состоянии социальных групп. В нынешней сложнейшей экономической и политической ситуации положение социальных групп не улучшится, если они, осознав свое положение на социальной лестнице, собственные цели и интересы, не будут в организованном порядке добиваться их достижения и удовлетворения. То есть, социальным группам необходимо продвигаться к достижению социальной зрелости.

Показателями социальной зрелости социальной группы являются развитость социального сознания и собственно социальной деятельности – деятельности, направленной на утверждение своего места как социальной группы. Развитие социального сознания может происходить на нескольких уровнях: на эмоциональном, рациональном, а также на качественно отличающемся от них обоих уровне убеждений, образованном в результате сплава эмоционального и рационального уровней. Если социальное сознание достигло уровня убеждений, возможен переход к волевому уровню развития. Именно волевой уровень развития открывает возможность перехода к разговору о зрелости деятельности. Следует отметить, что в рассмотрении отдельных уровней развития социального сознания есть некоторая условность, так как они находятся в единстве и постоянном взаимопроникновении.

Подобную схему анализа предлагает Г.Г.Дилигенский, говоря о "достижении психологической макрообщности" или о путях перехода больших социальных групп в

Иванова Ольга Борисовна – аспирант кафедры социологии Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина (т.: (0572) 45-25-75), e-mail: olya@iva.kharkov.ua

“группы по происхождению” – приобретении большими социальными группами, такими, как класс, социальный слой, этническая общность, характеристик, свойственных контактным группам. Г.Г.Дилигенский выделяет три уровня развития группы: типологический, идентификационный и солидарностный. Любая группа начинает свое развитие с типологического уровня, характеризующегося невысокой степенью общности. На идентификационном уровне члены группы осознают свою принадлежность к группе, сознательно отделяют свою группу от других, имея представления типа “мы – они”. Солидарностный уровень характеризуется разработанностью системы представлений о целях группы на макросоциальной арене и готовностью к совместным действиям во имя групповых целей и интересов [3].

Здесь следует особо отметить, что между понятиями “достижение психологической макрообщности группы” и понятием “созревание группы” существует значительная разница. Достижение психологической макрообщности не предполагает объективного знания о положении и роли группы в обществе и не гарантирует, что совместная групповая деятельность будет обладать зрелыми формами. Достижение психологической макрообщности является всего лишь предпосылкой к достижению социальной зрелости.

Как известно, социальную зрелость определяют как “систему социальных качеств, которая функционирует на чувственно-эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях и соответствует объективным потребностям общества” [4]. В свете этого особенно важным представляется вопрос о социальных качествах – качествах группового сознания, необходимых для выполнения группой своих функций в обществе. Можно привести некоторые примеры социальных качеств. Например, группа предпринимателей для того, чтобы вкладывать капитал в производство, должна обладать такими чертами, как активность, способность к новаторству, готовность к риску. Интеллигенция для выполнения своей основной социальной функции носителя культуры в обществе должна иметь такие социальные качества, как высокий уровень культуры, чувствительность к социальным переменам, а также высокую социальную активность.

Есть много факторов, влияющих на развитие социальных качеств. Предметом нашего рассмотрения является роль идентификации в их развитии, актуализации и формировании.

Как неоднократно обсуждалось учеными, термин “идентификация” может пониматься по-разному: как отождествление (как сознательное, так и бессознательное) себя с некоторым образцом, например, определенной группой или личностью [7,8,9], и как особая деятельность по установлению и формированию идентичности [7, 10]. Первое понимание идентификации часто использовалось советскими психологами при исследовании внутригрупповых и межличностных отношений. Эти исследования будут очень полезными для ответа на поставленный нами вопрос.

Исследователи Е.М.Дубовская и Р.Л.Кричевский посвятили серию своих работ [9, 11] анализу функций процесса идентификации в общении подростков и юношей и пришли к выводу о том, что именно через посредство идентификации реализуется влияние общающихся друг на друга, в частности, влияние лидера на группу, а также влияние коллектива на личность (в данном конкретном случае речь идет о влиянии классного коллектива на учащегося). Это позволяет сделать вывод, что формирование социальных качеств может происходить в коллективе посредством механизма идентификации.

Кроме того, авторы отмечают, что наиболее ярко выявляется идентификация с лидером группы, а зачастую это человек, обладающий именно социальными качествами, такими, как отзывчивость, ответственность, альтруизм, общительность, коллективизм, способность к сотрудничеству, эмпатия, толерантность. Следует отметить, что идентификация с лидером будет происходить скорее в случае наличия у членов группы определенных представлений о том, каким должен быть лидер. Таким образом, если человек ценит социальные качества, считает их достойными подражания, он с высокой

вероятностью будет стремиться походить на другого, обладающего этими качествами. Каким же образом создать у человека установку на желание обладать социальными качествами?

Вопрос, подобный этому, рассматривается в работе Е.З.Басиной и Е.Е.Насиновской "Роль идентификации в формировании альтруистических установок". Пользуясь представлением об иерархической природе установки [12], авторы пришли к выводу, о том, что идентификация не влияет непосредственно на формирование альтруистического поведения, но способствует возникновению эмпатии по отношению к объекту идентификации и, что еще более важно, способствует созданию у личности смысловой альтруистической установки (установки наиболее высокого уровня, направленной не только на альтруистическое поведение в данной конкретной ситуации, но и на его дальнейшее сохранение [8,12]).

Авторами также был сделан вывод о влиянии идентификации на процесс смыслообразования. "Идентификация..., раскрывая переживания другого человека для субъекта, меняет его восприятие ситуации, в результате чего она обретает для него определенный личностный смысл..." [8, с.39]. Сделанное заявление о связи идентификации с личностным смыслом уводит нас от работ советских психологов, выполненных в русле деятельностного подхода, к первооткрывателю понятия идентичности – Эрику Эриксону. Его понимание эго-идентичности тесно перекликается с понятиями осмысленности человеческого бытия, самотождественности человека, его единства и целостности. Таким образом, идентификация во втором понимании – деятельность по обнаружению и установлению идентичности – также связана с процессами смыслообразования личности.

Итак, роль идентификации в формировании социальных качеств личности заключается в ее влиянии на процесс смыслообразования личности, а также на процесс построения идеала.

Принципиально другой путь созревания социального сознания описывает в своих работах Л.Г.Ионин [5, 6]. Он отмечает, что в сложившейся ситуации, когда культурные формы находятся в зародышевом состоянии (будучи подавленными советской монокультурной атмосферой), они оказываются не связанными с социальными интересами и, следовательно, с социальными группами. Таким образом, культурные формы становятся "свободнопаращими", а люди не всегда в состоянии связать свои реальные социальные интересы с существующими культурными формами, таким образом, происходит идентификация по типу "культурной инсценировки". Сразу следует отметить, что идентификация по типу "культурной инсценировки" происходит в случае неформальных групп, групп по интересам, причем следует также отметить, что здесь описан случай создания новой группы. В результате подобной идентификации люди сначала создают или копируют и принимают внешнюю символику группы, осваивают ее поведенческий и лингвистический коды, а также способы презентации (то есть занимаются соответствующей деятельностью, правда, не осмысленно), затем проходит то, что здесь названо интеллектуальным и эмоциональным уровнями, и лишь затем формируется социальный интерес [5].

В качестве примеров культурных инсценировок Л.Г.Ионин описывает такие экзотические case-study, как исследование казаков, политических группировок, групп протеста среди студентов. Возможно ли хотя бы в какой-то мере перенести этот подход на социальные группы? То есть, возможно ли достижение зрелости социальных групп через культурную инсценировку?

Социальное созревание – сложный и многоплановый процесс, связанный с процессами институционализации социальных связей, олицетворением которых является группа – появление системы идей о месте и роли группы, их институционализация в виде программ, создание политических партий, выражающих интересы данной группы. Возможно, культурная инсценировка может оказаться

некоторой частью этого процесса. Например, создание соответствующей политической партии изначально может происходить по типу инсценировки, но потом существование этой партии (как и любой другой институциональной формы) будет оказывать влияние на создание новых институциональных форм, на организационное, нормативное, ролевое закрепление социальных связей.

Вероятно, следует также обсудить связь между понятиями социальных качеств, идентификации и стиля жизни.

Понятие стиля жизни (жизненного стиля) употреблялось классиками социологии, Максом Вебером и Георгом Зиммелем, причем Георг Зиммель определял жизненный стиль как "таинственное тождество формы внешних и внутренних проявлений", которое возникает из стремления "стать законченным целым, образом, имеющим собственный центр, посредством которого все элементы его бытия и деятельности обрели бы единый и объединяющий их смысл"[6]. Очевидно, что для Зиммеля понятие стиля несколько сродни Эриксоновскому понятию идентичности, а описанная им деятельность по обнаружению собственного стиля в условиях стилевой дифференциации культуры сродни Эриксоновскому описанию идентификационной деятельности.

С другой стороны, очевидно, что между социальными качествами и стилем жизни также существует четкая как прямая, так и обратная взаимосвязь. С одной стороны (к сожалению, это еще не произошло в современных условиях), в случае зрелых социальных групп, осознающих свои социальные функции и, следовательно, с развитыми социальными качествами соответственно их социальным функциям, социальные качества задают и определяют стиль жизни. Вернемся к приведенным примерам. Если у предпринимателей сформированы такие социальные качества, как активность, способность к новаторству, готовность к риску, то их стиль жизни не может быть пассивным и консервативным. Интеллигенция с развитыми социальными качествами воспроизводит стиль жизни, которая ориентирована на духовные ценности и не заангажирована официальными структурами.

С другой стороны, в случае зрелых групп соответствующие социальные практики могут воспроизводиться в процессе социализации и тогда субъекты социализации, весьма вероятно, воспримут от агентов социализации как соответствующие их групповой принадлежности социальные качества, так и сходный стиль жизни.

Но как быть, если социальная зрелость нынешних маргинальных групп является более чем проблематичной, социальный интерес заглох, задавленный и потерянный среди насущных проблем экономического и сиюминутно-политического толка? Создается впечатление, что в современных условиях не происходит сознательной идентификации и созревания социального сознания, зато происходит становление качественно отличающихся друг от друга форм жизни. Возможно, здесь не следует вести речь о стилях, так как, как отмечено Л.Г.Иониным, есть смысл говорить о стиле там, где субъект имеет выбор, и о форме там, где его нет, по крайней мере, в явном виде [6]. Способны ли эти формы жизни дать толчок к созреванию социального сознания? Наверное, в принципе способны, если они не противоречат необходимым социальным качествам, а в нынешних условиях это зачастую именно так. Интеллигенция пребывает в состоянии социальной пассивности, предприниматели сознательно стремятся не рисковать, а, наоборот, ищут прочных связей, как в экономическом, так и в политическом мире, а социальный интерес, который мог бы изменить сложившееся положение, не развит. В связи с этим сделать вывод о том, что созревание социального сознания социальных групп и формирование социальных качеств (в отличие от групп по интересам) путем идентификации по типу культурной инсценировки представляется весьма проблематичным.

Литература:

1. Якуба Е.А., Куценко О.Д., Хижняк Л.М., Безносов М.А., Евдокимова И.А. Изменение социально-классовой структуры общества в условиях его трансформации. – Харьков: Основа, 1997. – 230 с.
2. Голенкова З.Т. Динамика социоструктурной трансформации в России. // Социологические исследования. – 1998. – №10. – С. 77-84.
3. Дилигенский Г.Г. Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших социальных групп // Методологические проблемы социальной психологии – М.: Наука, 1975. – 296 с.
4. Черныш Н.И. Пути достижения социальной зрелости студентов. // Т.Е.Старченко, И.О. Пустельник, Н.И. Черныш. Молодежь: веки социальной зрелости (философско-социологический анализ). – Львов, Издательство при ЛГУ, 1988. – 264 с.
5. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) //Социологические исследования. – 1995. – №4. – С. 3-14.
6. Ионин Л.Г. Социология культуры: Уч. пособие. 2-е изд. М.: Издательская корпорация “Логос”, 1998. – 280 с.
7. Украинский Я.И. Об этапах и уровнях процесса идентификации: На укр. яз. // Вестник Киевского университета, 1982, №14. – С. 61-65.
8. Басина Е.З., Насиновская Е.Е. Роль идентификации в формировании альтруистических установок личности. // Вестник МГУ. Серия “Психология”. – 1977. – №4. – С. 33-41.
9. Дубовская Е.М., Кричевский Р.Л. О функции и механизме идентификации во внутригрупповом и межличностном общении. // Психология межличностного познания. – М.: Педагогика, 1981. – С. 92-123.
10. Макеев С.А. Структурная перспектива в современной социологии: На укр. яз. // Социология: теория, методы, маркетинг. – 1998. – №1-2. – С.27-35.
11. Дубовская Е.М., Кричевский Р.Л. Феномен идентификации в групповом лидерстве. – Вестник МГУ. Серия “Психология”. – 1980. – №2.
12. Асмолов А.Г. Деятельность и уровни установок. // Вестник МГУ. Серия “Психология”. – 1977. – №1. – С. 3-12.

Кокорина Л.А.

ПОЛОЖЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

General change in the social structure rises to important problem of status transformation of different social groups. This problem is urgent for intelligentsia especially. First of all the article concerns the mass circle of intelligentsia – highly skilled specialists of mental work and white-collar workers with higher and special education. On the base of empirical material it is shown that this groups undergo critical drop of income and their special experience is not required. So the drop of professional status impedes realization of labor functions among intelligentsia.

Глибкі зміни соціальної структури сучасного суспільства призвели до виникнення важливої проблеми, яка пов'язана із трансформацією соціального статусу багатьох груп. Особливої гостроти ця проблема набуває для представників інтелігенції. За допомогою емпіричного матеріалу показано, що ці групи зазнають критичного падіння рівня прибутків. Крім того, умови, коли держава не потребує попереднього досвіду фахівців, та падіння професійного статусу перешкоджають реалізації серед інтелігенції трудових функцій та пов'язаних із ними функцій забезпечення розвитку культури суспільства.

Ключевые слова: высококвалифицированные специалисты умственного труда, социально-профессиональный статус, невостребованность, профессиональная мобильность.

Уже в начале 90-х годов было очевидно, что изменениям подвергается вся система, все виды общественных отношений, то есть процессы изменений носят всеобщий, всеохватывающий характер. Масштабы и особенности протекания трансформации социальной структуры определяются комплексом факторов, среди которых, к примеру, структурные изменения в экономике и ее затяжной кризис; глубокие перемены в системе занятости (система планового формирования, распределения и использования рабочей силы уступила место не просто свободному, но “дикому” рынку рабочей силы, что привело к безработице, перестройке трудовой мотивации, резкому разрыву в оплате труда разных категорий работников; снижение уровня жизни подавляющей части населения; социальная аномия (разрушение одной ценностно-нормативной системы и несформированность другой). Все описанные изменения в украинском обществе порождают важную проблему, связанную с трансформацией социального положения многих групп экономически активного населения. Особенно остра эта проблема для представителей интеллигенции, которые до начала реформ обладали высоким социально-профессиональным статусом. Сегодня же эта группа вынуждена искать новые “ниши” в общественной жизни, что крайне трудно в кардинально изменившейся ситуации.

Все многообразие подходов к определению интеллигенции можно свести к двум – культурологическому и социологическому. Первый ставит в основу неформальные, идейно-нравственные признаки. Другой – выдвигает на первый план формальные, прежде всего, социально-экономические. Некоторые исследователи кладут в основу определения интеллигенции характер труда и особое место в духовной структуре общества. Ян Щепанський предложил социологическую модель, в соответствии с которой к собственно интеллигенции следует относить всех специалистов с высшим и средним

Кокорина Лидия Александровна — аспирантка кафедры прикладной социологии Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина

спеціальним образованием (критерій освітнього цензу), вкладують в свій труд творчість і інтелектуальні зусилля (критерій творчості) [3]. В даній статті йдеться про наймасовішу групу інтелігенції, представників якої в соціологічних анкетах, як правило, називають ІТР, спеціалістами, службовцями, управлінцями і т.п. Але все ж основним критерієм є освітній ценз. По цьому признаку ми виділяємо групу інтелігенції, представлену спеціалістами і службовцями з вищим і середнім спеціальним образованием. Таким підходом дається можливість кількісного аналізу як змін, що відбуваються всередині цієї соціальної групи, так і тенденцій зміни місця і ролі інтелігенції в умовах трансформуючоїся соціально-економічної системи в Україні.

Отже, в якій мірі змогли адаптуватися описані соціальні групи до сучасної ситуації? Як відбилися зміни соціально-професійного статусу спеціалістів умовного праці на їх положення в стратифікаційній структурі суспільства і соціальному самопочутті? Кризові процеси в економічній сфері суспільства і, зокрема, в її державному секторі привели до того, що більша частина працівників інтелектуального праці опинилася за межею бідності. В межах дослідження функціонування ринку праці в м. Харкові в 1999г.¹ встановлено, що 82% спеціалістів і службовців становлять малодохідні групи. Особливо низьким рівнем доходів відрізняються спеціалісти гуманітарного профілю (85%) і службовці (90%). Розноманітність джерел доходу (респонденти крім зарплати називають випадкові зарплати, роботу на приватному підприємстві, доходи від роботи в комерційних організаціях) не рятує становища. Коли зміни в житті людини ініціюються ззовні і можуть не відповісти її потребам, ми маємо справу з вимушеною адаптацією без спроб чогось змінити [1, с.101]. Наприклад, 40% опитаних, зіткнувшись з матеріальними труднощами, віддають перевагу життю за рахунок і нічого не підприємати. Знайти роботу намагається кожен п'ятий спеціаліст, надаючи інтелектуальні послуги (14%) або виконуючи роботи за замовленням (12%).

Більшість представників інтелігенції зайнята в державних підприємствах (55%) і в державних господарствених організаціях (14%). Більше половини респондентів вказали на існування заборгованостей по зарплаті, що фактично означає невідплату державою професійних і кваліфікаційних відмінностей, тобто урівнювання всіх перед лицем складеної соціально-економічної ситуації. Таким чином, нестабільність матеріального становища, низький рівень доходу, зменшений моральний престиж, девальвація отриманого освіти, відчуття своєї "ненужності" формують відповідні настрої. Так, 37% опитаних відзначили переважаючу тривогу, 15% роздривлення і гніву в настрої; 11% - демонструють байдужість. Складності соціально-економічного становища актуалізували для більшості представників інтелігенції потреби життєвого рівня (ранжировано за ступенем зменшення значимості): матеріальне становище (74%), здоров'я (58%), доля дітей і майбутніх поколінь (40%), особиста безпека (23%), загроза втрати роботи (18%).

Структурні перетворення в економіці і криза окремих галузей, загострення проблеми зайнятості привели до того, що основною сферою соціальних змін стала соціально-професійна структура. В результаті трансформації останньої суттєво змінився соціально-професійний статус різних груп населення. Про невостребованість минулого професійного досвіду працівників

¹ Опитування трудоспосібного населення м. Харкова проводилося з 25 грудня 1998 року по 25 січня 1999 року в межах проекту: "Оптимізація механізмів функціонування ринку праці в сучасній Україні" при участі автора. Проект підготовлено і реалізовано Східноукраїнським Фондом соціальних досліджень (м. Харків). В дослідженні використано випадкову двохступенчасту модель вибіркової сукупності. n=1210. Вибіркова репрезентативна.

интеллектуального труда свидетельствуют массовые высвобождения и отсутствие реальных перспектив скорого трудоустройства в соответствии со своей специальностью. 40% специалистов различного профиля и каждый четвертый служащий полностью уверены в стабильности своей занятости. Остальные, представляя в основном отрасли промышленности, культуры и искусства, науки и образования, отметили возможность потери работы и выразили сомнение в том, что сумеют найти рабочее место в случае высвобождения. Проблемы с трудоустройством 40% высококвалифицированных работников связывают с общим сокращением занятости, 27% – с низким уровнем оплаты труда [4, с.79]. Большинство специалистов технического профиля отмечают невостребованность их профессии в современных условиях, только четверть этой группы специалистов указали, что специальность пользуется спросом на рынке труда. И, тем не менее, в случае безработицы более половины опрошенных будут искать работу непременно по специальности.

Можно сказать, что безработица является одним из факторов, размывающих социально-профессиональный статус. Тревожным симптомом является преобладание среди незанятых лиц с высшим (31%) и средним специальным (30%) образованием [4, с.97], из них 45% специалисты технического профиля и 12% специалисты гуманитарного профиля. Для большей половины неработающих представителей интеллектуального труда потеря работы связана с сокращением штатов и низкой оплатой труда, что свидетельствует о вынужденном характере нисходящей трудовой мобильности. В ситуации безработицы специалисты чаще ограничивают круг поиска работы рабочими местами по специальности (48%). В результате значительная доля специалистов оказывается без работы не потому, что они не могут найти какую-либо работу, а потому, что в структуре предложения преобладают рабочие места их не устраивающие, поскольку, как правило, не требуют специальной квалификации и не связаны с интеллектуальным трудом.

Достаточно сильной среди специалистов и служащих остается установка на постоянное место работы, причем желательно на государственном предприятии. Однако часто сложное материальное положение заставляет соглашаться на любое место работы, независимо от формы собственности (32%). Трудовая мобильность работников квалифицированного умственного труда также направлена и в частный сектор (25%) и совместные предприятия (10%) как место получения соответствующей оплаты труда. Специалисты технического профиля ориентированы на работу в сфере международного бизнеса, возможно предполагая занятость в высокотехнологичном производстве, что позволит реализовать свои инженерно-технические знания. Необходимо заметить, что предпринимательский потенциал среди специалистов и служащих не очень велик. На вербальном уровне 15% работников интеллектуального труда выразили желание работать самостоятельно. Однако на поведенческом – единицы безработных специалистов собираются заняться предпринимательством; только 4% занятых возможно займутся бизнесом в случае потери работы. Помимо отсутствия особого желания менять профессию, специальность, на стремление открыть свое дело воздействует ограниченность финансовых возможностей, отсутствие деловой хватки и т.п. Что касается профессиональной мобильности, то наше исследование еще раз подтвердило вывод о том, что главный потенциал интеллигенции – это образование и профессиональная квалификация, которыми они дорожат, и стремление совершенствоваться в своей отрасли знания. Так, 37% респондентов отказались сменить профессию, причем наиболее категоричны в этом вопросе специалисты гуманитарного профиля. Согласны переквалифицироваться при определенных условиях 27% опрошенных специалистов и служащих. В случае согласия сменить профессию для специалистов важно, чтобы новая работа приносила высокий доход, обеспечивала хорошие условия труда и положение в обществе. В бывшем СССР представители технической интеллигенции были самой многочисленной группой специалистов с высоким уровнем квалификации и

профессионального статуса. Интересно отметить, что нынешнюю жизнь они сравнивают не с положением других социальных групп сегодня, а с собственной жизнью в былые времена, какой ее помнят и воспринимают как норму. Этим, на мой взгляд, и объясняется тот факт, что специалисты технического профиля наряду с важностью оплаты труда высоко ценят уважение в обществе к той или иной профессии.

Несмотря на тяжелое материальное положение, падение престижа “интеллигентских” профессий, распространение в обществе идеологии “личной выгоды” для интеллигенции еще сохраняют свою значимость нравственные принципы, ориентация на знания и творческий характер труда. Наиболее важным в работе специалисты и служащие считают творчество и инициативу, хорошие отношения в профессиональной среде, профессиональное совершенствование и пользу, которую работа приносит обществу. Однако высокие нравственные ориентации интеллигенции вряд ли дают основание для оптимистических прогнозов, поскольку складывающаяся экономическая ситуация будет заставлять интеллигенцию искать возможности зарабатывать “хорошие” деньги, поступаясь принципами и убеждениями. В этой связи вновь уместно вспомнить Я.Щепанського, который, исследуя в середине 50-х годов XX века польский рабочий класс и интеллигенцию, писал: “Всю энергию нынешнего интеллигента поглощает борьба за сносное существование, погоня за дополнительным заработком” [3].

Более чем скромное экономическое положение подавляющей массы работников умственного труда не создает условий для их духовного совершенствования и творческой самореализации, а также обостряет проблему внутренней миграции интеллигенции из ведущих отраслей экономики, науки, образования в коммерческие и иные, лучше приспособленные к выживанию, структуры. Созданные кризисом и политикой государства условия невостребованности привели в среде работников умственного труда к резкому снижению возможностей реализации трудовых функций и связанных с ними функций обеспечения прогресса, интеллектуального и культурного развития общества. Оценивая современные тенденции, нельзя быть уверенным, что в ближайшем будущем социальный статус интеллигенции повысится, а ее роль в трансформационном процессе усилится. Подобное может произойти, если экономика будет развиваться с опорой на высокотехнологичные производства и квалифицированные слои населения, окрепнут институциональные формы выражения и защиты социальных интересов последних.

Литература:

1. Мансуров В.А., Семенова Л.А. Интеллигенция конверсируемых предприятий // Социологические исследования, 1998, №10. – С.96-105.
2. Макеев С.А. Процессы социальной структуризации в современной Украине // Полис, 1998, №3. – С.49-60.
3. Szczepanski J. Pracownicy umyslowi: proletariat, inteligencja czy klasa sredina? // Przegląd kulturowy. 1958. №51–52.s.8.
4. Труд и старость в Харькове: (Проект “Востокукранского Фонда социальных исследований”) / Давыдова И.О., Кизилев А.И., Ким М.Н., Навроцкий А.И., Николаевский В.Н. и др. / Под ред. В.С. Бакирова. – Харьков: Востокукранский Фонд социальных исследований, 1999. – 206с.

Котуков А.А.

**ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО:
УСТАНОВКИ И СТЕРЕОТИПЫ СОЗНАНИЯ**

The article is devoted to the problem of the creation of modern public servant social portrait. It was made an attempt to define main factors, that influence on its formation, stipulate public servants' self-identification and standards of thinking, social moods, orientations, which are spreaded among this social group. Basing on results of the concrete sociology research, which was conducted out with author's participation, it was analysed the most spreaded social aims and consciousness stereotypes of the middle link of public servants of north-east region of Ukraine. The author remarks the facts of marginality, the presence of elements of "lie consciousness", which take place among this social group representatives. It's defined factors, which make obstacles for the adaptation of middle link public servants to the new social realities.

Стаття присвячена вивченню соціальних особливостей групи державних службовців середньої ланки в сучасній Україні. Досліджуються фактори, що обумовлюють процеси самоідентифікації та специфіку соціальних стереотипів, орієнтацій, преференцій групи. Аналіз результатів конкретних соціологічних досліджень, які були проведені за участю автора, дозволяє відобразити моделі сприйняття соціальних цілей та стереотипів свідомості, що поширені серед середньої ланки державних службовців в північно-східному регіоні України. Автор підкреслює факти маргінальності, існуючі елементи "помилкової свідомості", які розповсюджені серед даної групи. Ці факти, з точки зору автора, свідчать про необхідність спеціальних заходів до адаптації групи державних службовців до нової соціальної реальності.

Ключевые слова: государственный служащий, социальные установки, стереотипы сознания, образцы поведения, "ложное сознание", социализация.

Все мы живем в мире образов и символов, созданных прошлыми и настоящими поколениями. Эти символы, формы, образцы поведения, мышления оказывают прямое влияние на совершаемые нами действия в том или ином поле социального пространства. Они дают возможность идентифицировать себя в сложной структуре социальных и политических отношений. Механизм выбора тех или иных форм поведения задается набором социальных норм, ценностей, заранее ограничен историческим, культурным, психологическим опытом развития социальных отношений. Как отмечает В.Козин, "...с течением времени лишь воспроизводится набор старых иллюзий. Так, например, крушение царского самодержавия в России и разложение постсталинской системы сопровождаются сходными феноменами сознания: упованием на религию и идеализм, "сильную власть" и национальное возрождение. Меняется их масштаб и социальная роль, но "ассортимент" остается тот же"[2, с.73]. В данной статье будут проанализированы стереотипы сознания и социальные установки среднего звена региональной управленческой элиты Украины.

Принято считать, что от того, какое место индивид занимает в системе общественных отношений, во многом зависит то, какие ценности, установки он будет более всего поддерживать. Формирующиеся диспозиции мышления определяют диспозиции социального действия, которые типизируются в пространстве социальных отношений. Так, отечественные исследователи отмечают, что для тех, кто занимает

Котуков Александр Анатольевич – аспирант кафедры социологии Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина

низини ступені соціальної ієрархії, в більшій мірі характерен холерический тип поведінки особистості (оптимістическая активність і ентузіазм, імпульсивність настроєнь і чуттів, швидка возбудимість і агресивність, нетерпимість ко всьому інакомислю). В то же время, среди административных работников наиболее распространен меланхолический тип личности, определяемый ее социальным статусом и, по определению В.А.Бахтина и А.Д.Ятченко, характеризующийся такими чертами как “высокомерная необщительность, безапелляционность суждений, настороженность в общении, недоверчивость, постоянный страх за свое положение”[1, с.9]. В предпринятом нами исследовании данная гипотеза получила эмпирическую проверку¹.

Представители органов государственного управления, государственные служащие среднего и низшего уровней в советский период относясь к классу номенклатуры, являлись ближайшей опорой и носителями власти. Изменились ли структурно-культурные характеристики данной группы сегодня?

Современная структура группы государственных служащих достаточно неоднородна. Эта неоднородность проистекает из ряда факторов, главные из которых таковы: различные символический (авторитет, престиж) и социальный капиталы (то есть связи, знакомства, которые могут быть использованы с целью получения той или иной выгоды), а также организационно-культурные ресурсы. Так, одинаковые по статусу должности в областных и районных органах власти определяют разные возможности и различные стили жизни. Несмотря на невысокий уровень оплаты труда, статус государственного служащего обеспечивает наличие определенного рода преимуществ, что является достаточно привлекательным для представителей различных возрастных групп. Как показывают исследования, люди среднего возраста идут на государственную службу с целью получения стабильной заработной платы, молодые же люди стремятся сделать карьеру и наработать символический капитал. Данной группе, несмотря на ее внутреннюю неоднородность, присущи некоторые общие стереотипы сознания, социальные установки. Так, характерным для данной группы является доминантная ориентация на семью, на ближайшее окружение (с семьей идентифицируют себя 40% опрошенных). Именно в семье, в процессе первичной социализации, каждый индивид приобретает основные заделы ориентации в мире, именно в семье он получит представление о традициях, правилах и нормах поведения, которые существуют в социуме. Этот мир гораздо прочнее заложен в сознании, чем мир, полученный в процессе вторичной социализации. Именно поэтому, во времена кризиса, потрясений, конфликтов, каждый из нас ищет спасения именно в семье, в кругу родных и близких. Нестабильность в обществе способствует вытеснению групповых идентификаций семейными. Такая самоидентификация членов группы отражает неустойчивость социальной ситуации, тревожность социального самочувствия.

Исследование показывает, что в самоидентификации группы управленцев весомым является и гражданский аспект. Более 37% опрошенных идентифицируют себя, в первую очередь, с гражданами Украины, примерно 19% – с украинским народом. Эти данные убедительно свидетельствуют об отказе группы от прошлых стереотипов, в котором господствовала позиция “все мы советские люди” (с данной категорией лиц себя идентифицируют только 4% респондентов). Идентификация с представителями своего государства, именно государства, а не своей этнической или какой-то иной общности, является фактором, который позволяет утверждать, что государственные служащие осознают свою специфическую социальную роль в обществе и в определенной степени принимают ценности и установки, отражающие новую реальность украинской государственности.

¹ В статье приведены данные экспертного социологического опроса, проведенного информационно-аналитическим отделом УАГУ ХФ среди представителей органов исполнительной власти и местного самоуправления Луганской, Полтавской, Сумской и Харьковской областей (государственных служащих IV-VII категории) в период с 1 марта по 1 июня 1999 года (N=327).

Социальные позиции любого социального образования существенно зависят от социально-психологического состояния членов данной общности, ощущения своего статуса в обществе. Поэтому в ходе исследования респондентам были предложены вопросы, которые отображают ряд социально-статусных и социально-психологических показателей.

В целом, респонденты, оценивая собственное положение в обществе, отмечают неудовлетворение. Индекс удовлетворенности собственным положением, которое представитель группы управленцев (государственной службы) сегодня занимает в обществе, составил 3,51 (по шкале от 1 до 5, где 1 означает – *полностью удовлетворен*, 2 – *скорее удовлетворен, чем нет*, 3 – *трудно сказать, удовлетворен или нет*, 4 – *скорее не удовлетворен*, 5 – *полностью не удовлетворен*).

Представители данной группы управленцев занимают довольно активную деятельностьную позицию. Так, для улучшения своего социального положения 19% опрошенных готовы *включиться в деятельность общественных организаций*, 17% готовы *изменить место работы*, 16% – *включиться в политическую деятельность*, 16% – *заняться коммерческой деятельностью*. Наиболее показательной является ориентация на профессиональную карьеру как фактор восходящей мобильности (готовность использовать данный фактор отмечают 44% опрошенных). Эти результаты позволяют утверждать, что респонденты – люди активной жизненной позиции. Обращает на себя внимание тот факт, что эксперты выбирают законные методы улучшения своего положения в обществе. Доля тех, кто готов переступить через закон, через моральные принципы, очень незначительна (соответственно 3% и 4% среди опрошенных).

Данная группа неоднородна по разделяемым настроениям. Наиболее распространенными настроениями среди опрошенных являются *надежда* (53% опрошенных) и *тревога* (51%). Значительно меньшее, хотя и весомое распространение в данной социальной среде имеет *оптимизм* (35%). Наряду с этим, примерно четверть опрошенных испытывает *возмущение, гнев* (24%).

Только для 5% респондентов характерным является *уверенность и спокойствие*, для 3% – *удовлетворение*. Эти данные позволяют утверждать, что значительная часть представителей группы чувствуют себя в новых социальных условиях некомфортно.

Неудовлетворенность своим положением, и распространенные настроения *тревоги, возмущения, гнева* вызваны, в значительной мере, неудовлетворительным и нестабильным материальным положением опрошенных. Так, 49% респондентов, оценивая материальное положение своей семьи, отмечают, что *все деньги расходуются только на продукты и приобретение необходимых недорогих вещей*, а 32% – что *денег не хватает даже на необходимые продукты*. Таким образом, подавляющее большинство опрошенных относят себя к категории наименее обеспеченных слоев населения. Только 15% опрошенных отметили, что им *в целом денег хватает, но приобретение товаров длительного пользования не представляется возможным*. Основную причину низкого материального положения государственные служащие видят в том, что *людям незаслуженно мало платят* (66% отметили этот фактор).

Еще одним отличительным моментом для представителей данной группы является стремление к более *эффективной государственной защите от снижения уровня жизни* (этот фактор отмечают 55% опрошенных в данной группе). Эта позиция достаточно ярко характеризует рассматриваемую социальную общность.

Вышеуказанные оценки являются ключевыми моментами для понимания специфики данной группы. Мы можем отметить, что по характеру социализации, адаптированности к современным социально-экономическим и политическим условиям, социально-культурные показатели данной группы отличаются маргинальностью. С одной стороны, представители группы стремятся к реализации своих способностей в новых условиях, стремятся адаптироваться к реалиям сегодняшнего дня. Ее представители, в первую очередь, ориентированы на профессиональную карьеру в структуре

государственного управления, на служебный рост, который бы способствовал самореализации и повышению общего уровня их материального благосостояния. С другой стороны, в данной группе прослеживается четкая ориентация на государственную защиту, поддержку, что отражает, в определенной мере, иждивенческие настроения, социальную пассивность. Кроме того, ярко выраженной является ностальгия по утраченному статусу номенклатуры.

Экономико-политические предпочтения госслужащих выкристаллизованы в четкие государственно-экономические позиции. 56% опрошенных полагают, что экономическая жизнь общества должна быть четко организована и регламентирована государством. При этом, 54% опрошенных считают наиболее целесообразным *поддержку государственного и колхозного секторов, а также развитие предпринимательства под контролем государства.*

В условиях трансформирующейся реальности, социально-экономического кризиса, который переживает общество, когда старые модели поведения не приемлемы в новых реалиях, а новые еще не утвердились, люди ищут в своей памяти некие упрощенные образцы, с помощью которых они могли бы объяснить существующую ситуацию и выбрать тот или иной вариант действия. Поэтому мы можем наблюдать проявление устоявшихся в прошлом норм и образцов мышления, стереотипов сознания.

Трансформационные процессы отличаются сменой специфически-ролевого пространства. Индивид действует соответственно тому, какие установки были получены им, прежде всего, в процессе первичной социализации. В такой ситуации всплывают, так называемые, базисные ориентации и идентификации, то есть обусловленные влиянием традиций и культурных условий первичной социализации, связанных с периодом авторитарного правления. Именно поэтому, сейчас, когда возникают сложности в адаптации к современным условиям, у людей просыпается стремление к сильному государству и авторитарным формам правления, то есть к тому, что формально обеспечивало им спокойную и стабильную жизнь в прошлом.

В период трансформации социального пространства, в процессах социального реструктурирования возникает новая типизация группового поведения и действия. Группы, которые приспособились к существующим реалиям и условиям жизни, способны мыслить рационально, способны освободиться, как утверждает К.Манхейм, свое мышление от посторонних влияний. В обратном случае, положение группы не требует особого проявления инициативы, а поведение до известной степени регулируется мифами, традициями, верой в лидера [3]. Когда К.Манхейм говорит о "ложном сознании", направленном в прошлое, он рассуждает, прежде всего, о таких группах, которые находятся внизу социальной лестницы. Элементы "ложного сознания" (по К.Манхейму) присущи и членам описываемой нами социальной общности. "Ложное сознание" преграждает путь этим группам к рациональному знанию. Примером "ложного сознания" может быть непоколебимая вера в мифы, "идеалистичность", перенесение старых этических, социальных и культурных норм в новые условия жизни, что мы можем наблюдать, анализируя зафиксированные позиции наших респондентов. "Ложное сознание" заслоняет новую действительность устаревшими категориями мышления, схемами восприятия реальности.

Сегодня в Украине достаточно распространена иррациональная среда, и соответствующие ей типы поведения и мышления. На поверхность выступают всевозможные формы коллективного бессознательного. Никто не в силах искоренить бессознательное, иррациональное из структур мышления и поведения индивидов. Рациональное мышление, ориентированное на новые ценности, может стать преобладающим в сознании большинства членов общества, и государственных служащих, в том числе, только тогда, когда, во-первых, на арену социального взаимодействия выйдут те члены общества, чья первичная социализация проходила в новых, нетоталитарных условиях развития социальных отношений, и, во-вторых, когда новая устанавливаемая система ценностей будет институционализирована, приобретет

стабильность и легитимность.

Сегодня представители большинства социально-профессиональных общностей, и государственные служащие, в том числе, переживают процесс ресоциализации, когда прошлый опыт переинтерпретируется с учетом реалий сегодняшнего дня. Успешно эта ресоциализация может пройти, на наш взгляд, только при условии построения механизмов исторической, культурной преемственности, связей между сегодняшними реалиями и прошлым. Государством должно инициироваться постоянное взаимодействие между различными слоями общества, регулируемый диалог по поводу целей и методов проводимых преобразований. Представители любой социальной общности не должны себя чувствовать социально оторванными от происходящих процессов в конструировании новой социальной реальности. Это важнейшее условие успешной адаптации и обретения чувства "своего места" в трансформирующемся обществе.

Литература:

1. Бахтин. В.А., Ятченко А.Д. Трагичность бытия личности в мифе. // От власти мифов к мифам власти: Сб. научных трудов. – К.: УМК ВО, 1992. – С.4–12.
2. Козин В.А. Когда отступает в тень идеология. // От власти мифов к мифам власти: Сб. научных трудов. – К.: УМК ВО, 1992. – С.62–74.
3. Манхейм К. Идеология и утопия. Часть 1. – М.: ИНИОН РАН. – 1992, – 246с.

ОСОБЛИВОСТІ ГРУПОВОЇ ІДЕНТИФІКАЦІЇ У ВІЙСЬКОВОСЛУЖБОВЦІВ СТРОКОВОЇ СЛУЖБИ

In this article the questions of adaptation of the serving soldiers in pressing service: the soldiers, the military cadet of higher educational establishments of Ministry of State for Defence are considered. On the basis of comparative analysis of evaluate stereotypes by the serving soldiers we can distinguish the main four types of the infringements in the group identical.

The author stresses, that the respondents, which have free choice in the selection into the Armed Forces, have the most balanced system in the group notions.

With the purpose of acceleration in the process of adaptation and interaction between the serving soldiers during the pressing service there is necessity in the formation of the steadfast balance in the system of the group appraisals and notions in the military professional surroundings.

Досліджується зміни, що відбуваються в свідомості юнаків, які проходять строкову військову службу. Показано, що трансформація свідомості полягає, перш за все, в зруйнуванні індивідуального світосприйняття, системи цінностей, оціночних стереотипів. Дається порівняльний аналіз автостереотипів та гетерестереотипів, які склалися у військовослужбовців строкової служби та курсантів. Описані чотири основні типи порушень їхньої системи ідентифікації.

Ключові слова: *групова ідентифікація; військово-професійне субкультурне середовище; оціночні стереотипи; військовослужбовці строкової служби.*

Щорічно весною і восени понад 20 тисяч юнаків згідно “Закону про загальний військовий обов’язок” призиваються на строкову військову службу. В більшості випадків вони не мають вибору, адже служба в Збройних Силах є обов’язковою для всіх громадян України, чоловічої статі, яким на момент призову виповнилось 18 років, та які не мають права на відстрочку.

Безальтернативність, відсутність вибору порядку проходження, місця служби, побутова невлаштованість (в більшості військових частин), специфічність військово-професійного середовища накладає свої особливості на процеси пристосування та соціалізації молодих людей призваних до армії. Особистість постає перед необхідністю освоювати нові соціальні ролі та статуси, тому що попередні, як правило, не співпадають з тими, що були набуті раніше, а сам процес зміни носить лавинообразний характер, докорінні зміни проходять в максимально короткий термін. Вже з перших днів новобранцю необхідно пристосовуватися, шукати свою соціальну нішу, місце в новому колективі, відстоювати право на індивідуальність, освоювати нові норми поведінки, що в цілому можна визначити як реконструкцію цінносно-нормативної системи. Адже крім забезпечення обороноздатності держави армія виконує завдання по формуванню соціальних стереотипів поведінки, формування конформної, “зручної” для суспільної системи, особистості. На реалізацію даного завдання працюють всі закони, які регламентують життя військовослужбовців (в умовах повсякденної життєдіяльності за незначний проступок командир має право позбавити підлеглого волі на термін до 10

Полюга Василь Андрійович — викладач кафедри суспільних наук Одеського інституту Сухопутних військ, аспірант кафедри соціології Одеського державного університету ім.І.І.Мечникова (т.: (0682) 29-89-05)

діб, покарати нарядом на роботи поза чергою в нічний час та таке інше). Військовослужбовець в свою чергу може тільки подати скаргу на його дії по команді і тільки з дозволу командира, в іншому випадку його чекає знову ж таки покарання. Попадаючи до військового колективу, молода людина вимушена засвоювати його внутрішньокolleктивні звички, звичаї, традиції, групові настрої, які не завжди співпадають з її попереднім соціальним досвідом.

Щорічно органами виховної служби Південного Оперативного командування фіксується велика кількість самовільних залишень військових частин, самовільних відлучок та інших проявів девіантної поведінки (в тому числі вживання наркотиків, алкоголю і навіть самогубств), що в цілому можна розглядати як прояв ускладнень в процесі групової ідентифікації молодих людей з військово-професійним середовищем. І як відмічають спеціалісти виховної служби Південного Оперативного командування процес має тенденцію до загострення.

Трансформація самосвідомості юнака заключається, перш за все, в крушінні індивідуального світосприйняття та відповідної системи цінностей, цінносних орієнтацій, соціальних установок — визначаючих оціночні стереотипи в відношенні представників своєї (первинної) і вторинної групи.

Адже відомо, що в процесі розвитку людини, її взаємодії з оточуючим середовищем в її свідомості формуються уявлення про навколишню дійсність, формується “образ навколишнього світу” та виділяється образ “Я”, як частина його [1, с.95-112]. При цьому уявлення про свою групову належність також виступає в якості частинки її “Я”. Значимість цієї частинки для людини визначається в порівнянні з іншими аспектами її ідентичності: усвідомленням належності до соціальної, професійної групи, локального об’єднання (що в свою чергу зумовлюється виконанням даного соціальною групою значимих соціальних функцій).

Групова самосвідомість включає до себе елементи, ознаки, згідно яких людина асоціює себе з тією, чи іншою соціальною групою. До них відносяться уявлення про характерні риси представників своєї групи, які рядом авторів визначаються як автостереотипи, характерні для повсякденної свідомості, схематизовані, спрощені, та які приписуються всім членам соціальної групи без достатнього усвідомлення можливих відмінностей між ними. Вони формуються в співставленні з уявленнями про інші соціальні групи [2, с.3-15; 3, с.150-156], та є “предвзятое, т.к. не основываются на свежей непосредственной оценке каждого явления, а выводятся из стандартизованных суждений и описаний” [4, С.188].

На думку ряду дослідників, уявлення про типові риси своєї групи є основою для асоціації себе з ними. Природньо, що такі уявлення людей змінюються, і залежать перш за все від реальнофункціонуючих, типових рис, присутніх не тільки в групі, але і в соціальному типі особистості, характерному для суспільства і для кожного етапу його розвитку [5, с.68, 71-72]. Зміст та інтенсивність побутових уявлень про риси “своєї” та “чужої” соціальної групи, тобто, то які характеристики та причини поведінки приписуються групі (це явище в соціальній психології характеризується, як каузальна атрибуція в процесі міжособового спілкування, сприйняття), суттєво залежать від соціальної ситуації в суспільстві, попереднього соціального досвіду, в деякій мірі від історичних традицій [6, С.228]. Формування оціночних стереотипів базується на повсякденній інтерпретації міжкультурних відмінностей в поведінці людей.

В своєму аналізі ми будемо опиратися на матеріали опитувань, які проводились курсантами Одеського інституту Сухопутних військ під час стажування на протязі 1997-98рр. Основою опитування приймався порівняльний аналіз оціночних стереотипів військовослужбовців строкової служби які проходять службу на основі призову, та курсантів Одеського інституту Сухопутних військ, які по своєму соціальному статусу прирівнюються до військовослужбовців строкової служби, але при цьому службу в Збройних Силах вони вибирали свідомо і добровільно.

Аналіз групових уявлень про військово-професійне середовище та оцінок соціально-професійних якостей товаришів по службі військовослужбовцями строкової служби показав, що система найбільш збалансована у тих респондентів які добровільно і самостійно визначились з призовом до армії. При позитивних оцінках власної соціальної групи, вони достатньо позитивно (в усякому разі з розумінням), оцінювали діяльність кадрових військовослужбовців (офіцерів та прапорщиків). Представники даної категорії респондентів оцінюють себе та найближче своє соціальне оточення більш критично в порівнянні з тими, хто призивався до армії на основі закону про загальний військовий обов'язок. Так, при опитуванні, курсанти ОІСВ, відмічають у себе декілька негативних характеристик, в той час як більшість військовослужбовців "бойових" частин абсолютно непогоджуються з наявністю таких якостей як "лицемірний", "непорядний", "недопускаючий іншої точки зору" у представників свого найближчого оточення.

У респондентів, що проходять службу в так званих лінійних частинах, спостерігається явне порушення балансу в системі групових оцінок і уявлень. Частіше всього це виражається в переважанні позитивних оцінок власної соціальної групи (членів своєї родини, друзів серед військовослужбовців строкової служби, тощо) в порівнянні з представниками інших груп, перш за все офіцерів та прапорщиків. Так, ні по одній із якостей, характеризуючій міжособове спілкування, за виключенням такої характеристики, як "витриманість" у офіцерів (яку можна розглядати як специфічно-професійну характеристику), солдати строкової служби не оцінюють їх вище себе.

Аналіз оціночних стереотипів військовослужбовців строкової служби (курсантів ВВНЗів, курсантів навчальних частин, солдатів "бойових" частин) дозволяє виділити чотири основних типи порушення групової ідентифікації.

Перший тип характеризується позитивною гіперідентифікацією з найближчим оточенням (первинною групою), що нерідко доходить до егоцентризму. В цьому випадку в образі "Ми" негативні компоненти, дозволяючі говорити про рефлексивність та адекватність, поступаються місцем виключно позитивним характеристикам. Спостерігається посилення афективного заряду при оцінці кадрового складу, що супроводжується пониженням групової толерантності та підвищенням агресивності. В числі психологічних особливостей дана категорія характеризується авторитарними нахилами, небажанням та неспроможністю сприймати цінності нового, військово-професійного середовища, примиритися з необхідністю проходження служби, новим соціальним статусом. Для даної групи характерна неспроможність прийняття конструктивних рішень в конфліктах з представниками командного складу військових підрозділів, частин, що призводить до конфронтації та підвищує вірогідність девіантної поведінки. Уявлення більшості солдатів, які опинились на службі завдяки загальному військовому обов'язку, відповідає такому типу гіперідентифікації. Оціночному стереотипу офіцерів, прапорщиків, у цієї категорії військовослужбовців присутньо велика кількість різко негативних характеристик, чим гетеростереотипу сформованому у курсантів навчальних частин та ВВНЗів.

Другому типу присутня негативна групова самооцінка та більш висока в порівнянні з оцінкою власної соціальної групи оцінка представників кадрового складу Збройних Сил: офіцерів, прапорщиків, військовослужбовців надстрокової служби. В цьому випадку в оціночних характеристиках концентрується негативний емоційний заряд.

Це може бути об'єктивне вираження потягу до асиміляції з даною соціальною групою та втратою власної ідентичності. До цієї групи, по результатах опитування відносяться курсанти ВВНЗів (як правило першого курсу). Вони характеризують представників даної групи як "грамотний спеціаліст", "культурний, інтелігентний", "вимогливий, пунктуальний", "чесний, порядний", "свободолюбивий", "щедрий, завжди готовий допомогти". Вони також приписують їм менше негативних характеристик. Потяг до асиміляції з соціальною групою військовослужбовців кадрової служби містить в собі позитивні моменти, сприяючі найкращій адаптації до нових соціально-побутових

умов молоді, що опинилась в новому (військово-професійному) соціокультурному середовищі, при зміні соціального статусу.

Третій тип – “ідентифікаційна невизначеність” (невизначеність групової самоідентифікації та невизначеність в оцінці групи кадрових військовослужбовців). Подібний тип самоідентифікації був описаний Немеровським В., при дослідженні цінносних орієнтацій ветеранів Афганістану [7, с.55-66]. Йдеться про “ідентифікаційну спутаність”, що може бути тимчасовою, а може продовжуватись достатньо довго, приводячи до деперсоналізації особистості.

Один із варіантів цього типу ідентифікації, амбівалентна групова ідентифікація, була виявлена при допомозі проєктивних методик укурсантів Одеського інституту Сухопутних військ. Когнітивний компонент їх автостереотипів достатньо чітко визначений (висока оцінка позитивних якостей в поєднанні з низькими оцінками негативних якостей). Іншими словами, курсанти достатньо чітко готові відповісти на питання “Хто ми?”. В той же час гетеростереотип військовослужбовців строкової служби не сформований, розмитий. По даних, отриманих в процесі опитування, в характеристиках військовослужбовця строкової служби домінуючи виражені тільки дві характеристики-якості: “безвідповідальний” та “недалекий”. Якщо враховувати формальну належність курсантів та військовослужбовців строкової служби до однієї соціальної групи, то у курсантів інституту неможна не відмітити високий рівень амбівалентності по відношенню до своєї групової належності. Тестування показало, що по ряду позитивних характеристик курсанти ототожнюють себе з офіцерами, не дивлячись на негативний в цілому стереотип військовослужбовців кадрової служби. При цьому у курсантів (особливо старших курсів) і офіцерів досить багато спільних якостей, а взаємні оціночні характеристики, в цілому, носять негативний характер.

Дані проєктивних методик, тестуючих глибинні, неусвідомлювані рівні групової ідентифікації, також підтверджують відсутність суб'єктивного почуття групової єдності курсантів інституту з військовослужбовцями строкової служби, і в той же час з військовослужбовцями кадрової служби. Така амбівалентна групова ідентифікація свідчить про розмитість, дифузорність конструкта “Ми” та серйозної трансформації картини світу.

Четвертому типу присутня негативна самоідентифікація та негативна оцінка групи офіцерів та прапорщиків. Такий тип порушення ідентичності розгортається на фоні усвідомлення себе “людьми другого сорту”, пониженням свого соціального статусу та почуттям власної неповноцінності. Це в свою чергу призводить до дистанціювання від суспільних проблем, від колективу. Даний тип порушення ідентичності впливає на досить глибокі пласти особистості та визначає формування деструктивного комплексу в свідомості особистості. В даному випадку, поведінка базується на невротичному комплексі неповноцінності. Невротичний комплекс сприяє ізолюваності, замкнутості, що в цілому є основою для неадекватних ситуації реакцій. В результаті чого тільки збільшується соціальна дистанція, росте ізолюваність, появляється почуття непорібності, безцільності існування. Безумовно така модель не може сприяти адаптації молоді до нових соціально-побутових реалій. Один із найбільш вірогідних способів розв'язання виникаючого клубка проблем є дезертирство, а то даже і самогубство, як крайня форма протесту. В випадку ініціативи з боку командування вирішити проблему шляхом переводу військовослужбовця до нового місця служби ситуація, як правило, повторюється.

Підсумком даного дослідження, на нашу думку може бути слідуючий висновок: групові уявлення військовослужбовців строкової служби характеризуються перш за все невизначеністю. Це проявляється в відсутності традиційного культурного компоненту в самооцінці військовослужбовців строкової служби. Особливістю групової ідентифікації військовослужбовця строкової служби заключається в визначенні своєї ідентифікаційної належності шляхом співвіднесення себе з родиною, регіоном, звідки він призивався до військової частини, групою таких же як і він військовослужбовців (по віку, терміну

служби, місцю проживання батьків, місцю народження, тощо...). Подібний спосіб ідентифікації залишає досить мало можливостей для засвоєння цінностей військово-професійної субкультури, а навіть навпаки сприяє формуванню елементів військової контркультури, які при ближчому розгляді є нічим іншим, як спотвореними елементами тієї ж військово-професійної субкультури, що отримали з легкої руки журналістів назви: "дідівщина", "позастатутні відносини", "казармене хуліганство" і тому подібні.

Для прискорення процесів пристосування, адаптації та взаємодії військовослужбовців строкової служби з військово-професійним середовищем, в особі кадрових військовослужбовців, на наш погляд, існує необхідність формування стійкого балансу в системі групових оцінок та уявлень. Найбільш оптимальною є така ситуація, коли самосвідомість військовослужбовців строкової служби характеризується стійким балансом в цілому позитивного адекватного образу "Ми" і позитивного адекватного образу "Вони". При цьому оціночний стереотип групи повинен бути більш позитивним чим її стереотип. Подібний стан системи групових оцінок та уявлень характерний для самосвідомості курсантів навчальних частин (Бердичів, Десна), де характерними ознаками є дотримання порядку та організації служби визначеного Статутами Збройних Сил України, переважаюча більшість військовослужбовців одного терміну служби, при мінімальній віковій різниці.

В так званих "бойових", чи лінійних частинах подібний баланс складається при умові автономного, компактного розташування частини, організації побуту, залучення військовослужбовців строкової служби до свідомої участі в справах військової частини (вирішення господарських справ, врахування побажань в організації дозвілля, організації графіків відпусток тощо).

Література:

1. Раусте фон Выхт М.Л. Образ "Я" — как подструктура личности / Проблемы психологии личности. — М.: Наука, 1982.
2. Дробижишева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социальные стимулы развития // Советская этнография. — 1985 — №5.
3. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шлягина Е.И. Нарушение этнической идентификации у русских мигрантов // Социологический журнал. — 1994 — № 3.
4. Кон И.С. Психология предрассудка // Новый мир. — 1996 — № 9.
5. Андреева Г.М. Межличностное восприятие в условиях совместной деятельности / проблемы психологии личности. — М.: Наука, 1982.
6. Абульханова К.А. О субъекте психологической деятельности. — М.: Наука, 1973.
7. Немеровский В.Г. Эхо афганской войны // Социологические исследования. — 1990 — №4.

Курченко Т.П.

УЧАСТНИКИ ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧАЭС КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА

The system of social protection for Participants of the clearing up at the atomic power plant Tchernobyl was founded in 80-th. But now one can say that this system of social shelter is not effective. Nowadays the question about the status of the group of "liquidators" is very actual. Definition group of participants of the clearing up of the atomic power plant in Tscernobyl as social group requires principal changes in the acting social politic. The sociological research demonstrated that group of participants of the clearing up is the social group.

Для компенсації втрат, що понесли учасники наслідків аварії на ЧАЕС, було розроблено систему соціального захисту населення, що постраждало. Розроблена ще в роки існування СРСР, вона не виконує свої функції. Зараз активно обговорюється питання про статус групи учасників ліквідації аварії на ЧАЕС. У випадку визначення групи ліквідаторів як соціальної, слід переглянути діючі механізми соціальної політики, бо недостатнім буде лише надання льгот та виплата компенсацій, як це має місце зараз, необхідна розробка державної соціальної політики.

Ключевые слова: социальная политика, социальная защита, социальное обеспечение, социальная группа, социальный статус.

После аварии на ЧАЭС, которую многие ученые рассматривают как сильнейшую техногенную катастрофу в истории человечества, образовались группы пострадавшего населения, понесшие в связи с этим различные социальные потери, среди которых самая многочисленная – участники ликвидации последствий аварии или ликвидаторы. В конце 80-х гг. была разработана система социальной защиты пострадавшего населения, которая опирается, главным образом, на Закон Украины "Про статус і соціальний захист громадян, які постраждали внаслідок Чорнобильської катастрофи"[1].

Однако исследования, проведенные с 1989г. украинскими социологами[2, с.69-71], позволяют утверждать, что до сих пор социальная защита пострадавшего населения остается основным фактором напряжения. Решение проблемы социальной защиты этой категории граждан осложняется общей кризисной ситуацией в стране. Исследования социологов выявляют неуклонно растущую неудовлетворенность населения практически всеми сторонами жизни и труда, рост недоверия к органам власти и неверия в их способность эффективно преодолевать негативные последствия аварии на ЧАЭС, что дает основания предполагать, что действующая система социальной защиты не полностью компенсирует социальные потери населения, т.е. не в полной мере решает стоящие перед ней задачи.

В настоящее время активно обсуждается вопрос о возникновении особой социальной группы ликвидаторов. Возник вопрос об особенностях социального признания, социального статуса и социального имиджа этой группы. Вопрос, является ли эта группа социальной или списочной принципиален, поскольку обозначает определяемые государством меры для компенсирования потерь,

*Курченко Татьяна Павловна — аспирантка кафедры социологии труда и управления
Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина*

которые понесли члены этой группы. В случае определения группы ликвидаторов как особой социальной группы, следует пересмотреть механизмы социальной политики в отношении ее, поскольку в этом случае недостаточным будет лишь предоставление льгот и выплата компенсаций, как это имеет место сейчас, а необходима разработка государственной социальной политики, где льготы и компенсации – лишь часть, необходимая для существования в экономико-социальных реалиях общества.

В 1998г. было проведено социологическое исследование¹, целью которого было изучение эффективности действующей в настоящее время системы социальной защиты граждан, пострадавших вследствие аварии на ЧАЭС. Объектом исследования была избрана особая группа, возникшая в результате участия людей в процессе ликвидации последствий аварии. Предметом исследования явились механизмы воздействия существующей системы социальной защиты на социальный статус ликвидаторов.

Полученные в ходе проведенного исследования данные позволяют утверждать, что действующая в настоящее время система социальной защиты не в полной мере решает стоящие перед ней задачи. Как известно, цель социальной политики – обеспечение равных условий для самореализации граждан государства. Настоящая система социальной защиты, разработанная еще во времена существования Советского Союза, является, по существу, лишь системой льгот и компенсаций, позволяет большей части ликвидаторов избежать положения на низшей ступени низшего слоя, что в настоящее время немаловажно и не удастся большей части остального населения Украины. Но в условиях рыночной экономики многие льготы и компенсации потеряли свое значение, требуют пересмотра цели и задачи социальной политики вообще.

Данные о социально-психологическом состоянии ликвидаторов, об уровне социального пессимизма, социальной активности, а также неравных шансах улучшить положение по сравнению с остальным населением, дают основания оценить действующую систему социальной защиты как неудовлетворительную. В результате исследования выяснено, что социальный статус участников ликвидации последствий аварии существенно снизился по сравнению с положением на 1986 год, о чем свидетельствуют данные о профессиональном составе группы, динамике изменения рода занятий, об уровне доходов и самооценке ликвидаторов собственного положения на социальной лестнице.

Данные сравнительного анализа данных об участниках ликвидации с населением г.Харькова свидетельствуют о существовании особых факторов, появившихся в результате участия в ликвидационных работах, которые существенно повлияли на социальный статус ликвидаторов. При сравнительном анализе действие этих факторов отчетливо проявилось в самооценках ликвидаторами своего состояния здоровья, социально-психологического состояния, возможностях трудоустройства, которые значительно отличаются от самооценок населения в целом.

На основании полученных в ходе исследования результатов можно сделать вывод о том, что участники ликвидации аварии на ЧАЭС представляют собой специфическую социальную группу, обладающую всеми чертами социально зрелой группы. Эта группа – распространенная, дисперсная, но имеющая свои характерные социальные черты, которые выражены как в объективных материальных условиях повседневной жизни, так и достаточно рельефно

¹ Исследование проведено социологическим факультетом Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина (рук. – доц. А.И.Кизилов) при участии автора. Опрошено в г.Харькове 120 участников ликвидации аварии на ЧАЭС. Выборка случайная систематическая.

проявляются во всем том, что характеризует внутреннюю жизнь личности в психологических и социально-психологических его измерениях.

Ликвидаторы не живут изолированно. Обычная жизнь и привычное окружение определяет основное содержание их сознания и поведения, потребности и интересы. Вместе с этим, присущим всем без исключения людям содержанием сознания, память каждого ликвидатора удерживает факт участия в работах на ЧАЭС. Эта память поддерживается и оживляется ухудшением здоровья и осознанием того, что это ухудшение связано с пребыванием в зоне опасных работ, воспоминаниями, фактом использования льгот, необходимостью больше внимания уделять вопросам здоровья, контактировать с такими же людьми.

Эта память подобна памяти участников иных событий экстремального характера, скажем, участников ВОВ, "афганцев", хотя "красочность" воспоминаний несколько слабее, чем у участников боевых военных действий, и в этом несколько слабее формирование "ликвидаторского сознания", но оно, без всякого сомнения, и это подтвердили результаты нашего исследования, существует. В этом еще одно основание говорить о ликвидаторах как о социальной группе.

Ликвидаторы имеют типичные для всего населения потребности и проблемы, осложненные несравнимо меньшими возможностями для их решения, связанные с состоянием здоровья ликвидаторов.

Социальные группы – это относительно устойчивые, исторически сложившиеся общности людей, которые отличаются по роли и месту в системе социальных связей исторически определенного общества. Группу ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС однозначно можно назвать устойчивой, исторически сложившейся общностью людей. Социальные группы складываются на основе определенных объективных обстоятельств. В данном случае в этой роли выступает факт участия в ликвидационных работах. Принадлежность к группе связана с объективным положением людей в системе социальных связей, выражающееся в особенностях социального статуса членов этой группы. Группа становится социально зрелой, "когда она осознает свои интересы, ценности, формулирует нормы, цели и задачи деятельности. При социологическом анализе этого процесса важным признаком реальной группы является также самоидентификация с определенной общностью и восприятие группы как качественно определенной ценностью другими. Особенно важными признаками социальной зрелости группы является "совместное отстаивание интересов, создание самостоятельно организованных структур"[3, с.22-23]. Кроме того, одним из свидетельств социальной зрелости группы может служить разветвленная структура общественных организаций, созданных "чернобыльцами".

На основании полученных в ходе исследования данных можно говорить о наличии у группы следующих признаков социально зрелой группы:

- группа является относительно устойчивой, сложившейся на основе факта участия в ликвидационных работах;
- зафиксированное в исследовании осознание членами группы групповых интересов, а также готовность отстаивать их;
- формирование целей и задач группы;
- наличие организационной структуры, представляющей интересы группы;
- факт самоидентификации участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС с группой.

Изложенное выше дает основания с уверенностью говорить о наличии

групповых признаков ликвидаторов, которые обусловлены и характеризуются: уникальностью ликвидационных работ с точки зрения общечеловеческого значения катастрофы 1986 года и ее последствий, что наложило отпечаток на психику, память, сознание ликвидаторов, формируя "коллективность", определенную тождественность восприятия ими этого события в своей жизни; особенностями прав (льгот), которые объединяют их в группу (с подгруппами); особенностями реализации своих интересов: с одной стороны улучшенными льготами, с другой – ухудшением состояния своего здоровья.

Материальное положение людей сегодня все больше дифференцируется под влиянием развития рыночных отношений, предпринимательства, приватизационных процессов. Если говорить в общем, то формирование доходов обеспечивается реализацией личных качеств, связями, должностью и профессионализмом. На фоне всеобщего падения жизненного уровня "на плаву" остаются сегодня сотрудники коммерческих структур и руководители государственных предприятий. В целом же работники госсектора чувствуют себя в материальном отношении значительно хуже, чем сотрудники частных, коллективных предприятий, но подавляющее большинство ликвидаторов ориентировано на работу в госсекторе!

Можно сказать, что группу ликвидаторов по-особому затрагивает социально-экономический кризис в стране. Их социально-экономическое положение резко изменилось от более благополучного в первые годы после аварии до ощутимо менее благополучного в настоящее время. Учитывая фактор здоровья, социально-экономическую дифференциацию и социально-психологическое самочувствие ликвидаторов и неликвидаторов, участников ликвидационных работ следует выделять как социальную группу, пребывающую в худших условиях и характеризующуюся относительно негативными показателями.

Определение статуса группы ликвидаторов как социальной группы требует принципиального пересмотра основных положений действующей системы социальной защиты. Необходима разработка комплексной социальной политики, направленной на изучение потребностей, тенденций и перспектив развития группы, а также планирование и реализация мероприятий по поддержанию необходимого уровня социальных гарантий для членов этой группы, где система льгот и компенсаций будет лишь частью комплексной системы мероприятий, необходимой для обеспечения нормального уровня жизни в современных условиях.

Литература:

1. Законодательные акты Украинской ССР, связанные с чернобыльской катастрофой. – К., 1991.
2. Брітченко С.П., Крижанівський О.В., Шульга М.О. Ефективність соціального захисту постраждалого від аварії на ЧАЕС населення. // Чорнобиль і соціум. - К., 1995.
3. Якуба Е.Я. Социология./ Учебное пособие для студентов. – Х., 1995.

ПЕРШІ ПУБЛІКАЦІЇ

ББК 60.54

УДК 316.346.32-053.6

Рудас Н.В.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ МОДЕЛЕЙ УСПЕХА В ФОРМИРОВАНИИ ДИСПОЗИЦИЙ МОЛОДЁЖИ

The role of patterns of success in the forming of youth's disposition is considered in this article. The images possess a high degree of imperativeness due to the attraction of their values. Both the character and the essence of human beings activities are determined by those patterns the legitimization of existing social structure arise from those patterns. The functions mentioned above are important for preserving and developing the social as a whole.

В цій статті розглядається роль моделей успіху в формуванні диспозицій молоді. Завдяки своїй ціннісній привабливості ці образи мають високу ступінь імперативності. Вони визначають як характер, так і сутність діяльності людини, регламентують сфери її активності. За допомогою моделей успіху також відбувається легітимація існуючої соціальної структури. Означені функції важливі для збереження та розвитку соціального цілого.

Ключевые слова: модели успеха, социализация, диспозиции личности, СМИ, идеология, миф

Модель успеха – это один из примеров концентрированного выражения социальных установок. Будучи закреплена на уровне повседневности в стереотипах, она является мощным элементом механизма социализации, формирования диспозиций личности. Модель успеха по своей сути не статична и не монополистична, в пределах одной социальной организации может существовать несколько версий реализации жизненного успеха. Однако имеет смысл говорить о доминирующей модели успеха – целесообразной с точки зрения данного этапа развития социума, – разъяснение которой входит в обязанности различных институтов социализации, в том числе и СМИ.

Стимулом к нашим исследовательским поискам послужило предположение о циркулировании в системе социализации уже достаточно устоявшихся ценностных концепций, которые оформляют в нечто систематизированное как пространство массовой коммуникации, так и сознание индивидов. Таким образом существует возможность выделения декларируемых ценностей и соотнесения их с ценностями реализуемыми (что является основной целью исследования). Определение базисных и потенциальных диспозиций предполагается дать посредством реконструкции моделей успеха, транслируемых ТВ и реализуемых молодежью. В этих целях будут использоваться следующие методы. Основные: контент-анализ, массовый опрос. Дополнительные: фокус-групповое интервью. Объектом исследования являются процессы идеологического воздействия. Предметом – идеологическая роль ТВ (СМИ) в формировании социальной направленности молодежи.

Концепции жизни, соответственно, характер активности человека обусловлены его местом в структуре общественных отношений и социальным опытом. Социальный опыт по своей природе двойственен, т.к. формирование личности происходит в двух относительно различных процессах взаимодействия с окружающей средой. С одной

Рудас Наталья Викторовна — студентка V курса социологического факультета Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина (т.: (0572) 19-72-95)

стороны, личность формируется в процессе восприятия опосредованной (произведенной другими людьми) информации о тех или других явлениях и событиях. С другой – в процессе непосредственного контакта с действительностью. Жизненный опыт молодого человека ограничен, поэтому огромное значение в формировании его жизненной концепции принадлежит косвенному опыту.

Так как реальные объекты даны человеку лишь в рамках повседневности и его узкой трудовой специализации, то он постоянно имеет дело с текстом. На этом основании выбор стратегии поведения сводится к выбору тех или иных текстовых моделей, которые, как правило, содержатся в различных образах: образ жизни, образ человека, образ успеха и т.д.

Осознанные и принятые, преимущественно в форме информационных моделей, ценности и нормы деятельности, становятся для молодого человека важным источником познания и оценки мира. Образы как основные содержательные составляющие механизма социализации систематизируют самосознание группы (отдельного человека) и вносят в него идеологическую компоненту – относительно систематизированную совокупность идей, описывающих и оценивающих действительность с вытекающими из этого директивными действиями).

Формируя определенное мировоззрение и защищая интересы определенной группы (а именно это, в отличие от остальных функций, являются специфическим для идеологии), любая идеология стремится охватить как можно большее человеческое пространство, потому что степень проникновения в повседневность, в общественную психологию является критерием ее эффективности. А эффективность – это основное условие существования идеологии.

Преобразуя свою область конечных значений в форму наиболее благоприятную для принятия ее в качестве повседневности как смыслообразующей основы, идеологи групп производят перевод текстов языка “с большим алфавитом” на язык “с малым алфавитом” [2, т.1., с.383]. Поскольку прямой адекватный перевод текстов невозможен (а только благодаря акту перевода осуществляется связь между обыденным и теоретическим сознанием, устанавливается контакт) теоретики прибегают к использованию посредников – некоторых форм, которые позволяют максимально точно передать значение, не искажая его при процессе трансформации в смысл.

Наиболее удачной, лаконичной формой передачи информации о ценностях является миф. Миф – это коммуникативная система, текст или развернутое имя, которое выражает словесно-идеологическую осмысленность называемого явления. Миф – совокупность коннотативных означаемых, образующих латентный идеологический уровень дискурса. Отсюда: “Область, общая для всех коннотативных означаемых, есть область идеологии” [1, с.18].

Миф можно понимать как некую модель, которая, благодаря содержащимся в ней образам, значительно облегчает ориентирование в мире. Внушая сравнительно ясные, упрощенные взгляды на самые разные аспекты действительности, он регулирует человеческое поведение, сводя его к ограниченному числу возможных вариантов, каждый из которых расшифровывается и иллюстрируется в образах-образцах. Таким образом, являясь моделью-образцом, миф сам состоит из нескольких моделей-образов, каждый из которых в ряде случаев может обрести самостоятельное существование. В отдельно же взятый момент миф – это структура, форма повествования, а включенные в него образы – содержание. Посредством формы дается ответ на вопрос: “каким образом, как?”, а благодаря содержанию уясняется конкретно-ценностный аспект сообщения – “зачем?”. Т.е. сразу задается как характер, так и суть деятельности человека.

Одновременно с ориентированием на некоторые ценности происходит ориентирование на блага, выражающие и подтверждающие “ценность ценностей”, т.е. осуществляется социальная пропаганда. Обладание теми или иными благами коррелирует со степенью успешности реализации жизнедеятельности индивида. Успех, как правило,

имеет достаточно определенный набор атрибутивных благ, которые наличествуют в том случае, если человек следует “верным идеям”, выполняет их предписания, т.е. реализует сюжет мифа об успехе. При оценке форм активности и результатов деятельности человека одобрение получают те из них, которые как можно более приближены к стандарту, характерному для данной культуры.

Успех имеет субъективно-объективную природу, он аксиологически двойственен: что-либо признается успехом как с позиции личностного смысла, так и с учетом общественной значимости, причем не всё одобренное обществом ощущается значимым на личностном уровне и, наоборот, смыслообразующий для индивида признак не всегда оценивается положительно социальными общностями.

Смыслообразующее содержание практики состоит в формировании целей как субъективно-идеального образа желаемого и воплощении ее в объективно-реальном результате деятельности. Отсюда: цель – это форма потенциального существования ценностей, осознанность их необходимости. А успех как таковой, – форма актуализации ценностей, результирующая взаимодействия потребностей и условий деятельности индивида.

Итак, более всего, формы должного аккумулируются в моделях успеха. Модели успеха, являясь программами объективно заданных форм деятельности, благодаря которым происходит регламентация сфер активности и мобилизация людей для решения конкретных политических задач, одновременно содержат в себе картину мира – некий идеальный вариант реализации идеологии, предусмотренный либо тактикой, либо стратегией развития государства. Поэтому транслируясь на большие по численности аудитории, в достаточно привлекательной, “ненавязчивой” и доступной форме, они являются мощными элементами механизма социализации, благодаря которому возможно сохранение и развитие социального целого.

Литература:

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. – Таллинн, 1993., т. 1-3.
3. Семиотика. – М., 1983.
4. Хмелько В.Е. Социальная направленность личности. – К., 1988.
5. Ядов В.А. Социальный тип личности. // Коммунист, 1978., № 10.

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

Карпенко Е.И.

В РАДОСТЬ ЛИ ТРУД И СТАРОСТЬ В ХАРЬКОВЕ: ВЗГЛЯД СПЕЦИАЛИСТОВ

Труд и старость в Харькове: (Проект "Восточно-украинского Фонда социальных исследований") / И.О.Давыдова, А.И.Кизилов, М.Н.Ким, А.И.Навроцкий, В.Н.Николаевский, Л.В.Филинская, Л.М.Хижняк, Н.К.Ходько, Ю.А.Чернецкий, М.В.Чигринова, И.И.Шеремет. Под ред. В.С.Бакирова. - Харьков: Восточно-украинский Фонд социальных исследований, 1999. - 206 с.

В рецензируемое издание харьковских социологов и экономистов вошли результаты исследований рынка труда, а также положения безработных и пенсионеров в Харькове. Высокий профессионализм авторов бесспорен. Казалось бы, обсуждаемые в книге вопросы очевидны. Вместе с тем, их проблематизация в качестве объекта исследования выводит за пределы этой банальной очевидности, обнаруживает глубинные основания и взаимозависимости, а, следовательно, не навязчиво и подспудно обнаруживает пути их возможного решения. На такую мысль наталкивает уже просмотр оглавления, в котором все изучаемые аспекты оптимально продуманы и учтены. Обнадёживает то, что такими же убедительными и аргументированными оказались изложенные в тексте книги результаты исследований. Они могут сказать многое и многим.

Авторы давали себе отчет в том, что отсутствие информации о социальных процессах, которые происходят на рынке труда, не позволяет органам государственного и местного самоуправления эффективно направлять развитие этой сферы. Нет сомнения, что результаты их исследования в значительной степени устранили этот пробел в информации.

Были исследованы возможные типы адаптации личности в условиях трансформации общественных структур, выявлен конкурентный тип социально и экономически активного поведения и пассивно приспособленческий, реактивный тип, реагирующий на возникшие трудности в процессе изменения социальных структур стремлением избежать перемен.

Позитивным является стремление авторов избежать однозначных категорических выводов. Это касается, например, осмысления того факта, что каждый пятый безработный харьковчанин не согласен на переквалификацию ни при каких условиях.

Сравнительный анализ поведения работающих и безработных позволил авторам установить, что, с одной стороны, значительная часть работающих харьковчан довольствуется нынешней ситуацией и не предпринимает активных действий в освоении смежных специальностей. С другой стороны, активное стремление многих безработных найти любую работу ведёт к их профессиональной деградации, снижает их социально-профессиональный статус.

С целью определения перспектив развития рынка труда, безработицы и проблем пожилого возраста в Харькове авторы обращаются к изучению аналогичных тенденций в западных странах, не забывая при этом об отечественном конкретно-историческом контексте и опираясь на выверенную методологию.

Знакомство с методиками проведенных исследований, с содержанием предлагаемых респондентам вопросов убеждает в том, что это было исследование-сопереживание, а не обезличенное обнаружение фактов. Не случайно опрос проводился методом интервью в технике face-to-face. В исследовании учитывалась эмоциональная настроенность респондентов, мера их оптимизма и пессимизма в ожидании грядущих перемен.

Для многих людей пожилого возраста, 44% которых совершенно не удовлетворены

своей жизнью сегодня, само общение с интервьюерами приносило некоторое психологическое облегчение, потому что они отвечали на вопросы, которые нередко и сами задавали себе. Кроме того, для многих респондентов участие в опросе было дополнительным, а порой и единственным источником информации о социальных службах, льготах и т.п.

Привлекает внимание также гендерный аспект исследований. Так, если среди зарегистрированных безработных только 30% мужчин и 70% женщин, то среди незарегистрированных их поровну – 50% мужчин и 50% женщин. Это происходит, потому что женщины чаще обращаются в государственные службы занятости, а мужчины отдают предпочтение другим каналам поиска работы, так как они чувствуют стыд за неспособность найти работу самостоятельно. Женщины с маленькими детьми фактически не ищут работу, и даже скромное пособие по безработице ими высоко ценится. Вакансии, которые предлагаются центрами занятости, являются менее оплачиваемыми, а поэтому и менее привлекательными для мужчин. Так, сегодня предпринимательством занято 13% мужчин и только 7% женщин. Вместе с тем, было установлено, что женщины, занимающиеся предпринимательской деятельностью, как правило, выбирают вид деятельности очень ответственно, взвешенно, зачастую в соответствии со своим образованием или профессией.

Кроме того, согласно полученным данным, пожилые женщины Харькова значительно в меньшей степени, чем мужчины, в целом удовлетворены своей жизнью сегодня (-81% против -70%).

Среди негативных тенденций авторы исследования называют также отсутствие у пожилых людей информации о своих правах, о возможности выбора социальных услуг, о необходимом их качестве. Это связано с тем, что граждане пожилого возраста не принимают участия в планировании социальной сферы.

Специалисты считают, что целенаправленный научный подход к планированию социальной сферы является наиболее важной задачей всех институтов, которые отвечают за разработку политики в этой области.

Знакомство с изданием будет полезным и продуктивным для депутатов всех уровней, государственных служащих, работников местного самоуправления, ученых, всех, кто интересуется этой проблематикой. Выход этой книги позитивно сказывается на формировании общественного мнения относительно анализируемых в ней проблем.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА МОЛОДЫХ СОЦИОЛОГОВ

С 6 по 26 сентября 1999 года была проведена, ставшая уже традиционной, третья Международная летняя школа молодых исследователей и преподавателей социальных дисциплин “Общество в переходный период: становление гражданского общества”. Руководителем проекта выступал доктор социологических наук, профессор В.С.Бакиров. Школа была организована Восточноукраинским Фондом социальных исследований и социологическим факультетом Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина при финансировании и поддержке Института открытого общества (Будапешт, Венгрия) и Международного Фонда “Відродження”.

Важен тот момент, что тема данной школы стала своеобразным логическим продолжением рассмотрения проблем и аспектов функционирования общества в переходный период. В качестве тем двух предыдущих Школ выступали проблемы социальных изменений и границ социальной инженерии в рамках трансформирующихся обществ. Школа-99 была особенно актуальной в контексте социально-политической ситуации накануне президентских выборов в Украине и парламентских выборов в России.

Плодотворной является сама идея Школы: молодые исследователи и преподаватели осуществляют прежде всего функцию трансляции социально-значимой информации, полученной в ходе Школы, на студенческую аудиторию. Это особенно важно в ситуации, когда получение актуальной научной информации по наиболее существенным проблемам ограничено. Кроме того, участие в школе — это возможность для молодых преподавателей совершенствоваться в профессиональном плане: получить доступ к результатам социологических исследований, материалам проектов, осуществляемых на территории стран ближнего и дальнего зарубежья, разнообразить подачу лекционного материала с помощью нетрадиционных методов и технических средств обучения.

В работе Школы принимали участие 32 слушателя, которые были отобраны на конкурсной основе. Молодые исследователи и преподаватели социальных дисциплин представляли основные вузовские и научные центры Украины (Днепропетровск, Донецк, Запорожье, Киев, Львов, Одессу, Харьков, Херсон, Черновцы), России (Санкт-Петербург, Курск, Новосибирск), Беларуси (Минск), Азербайджана (Баку).

Участникам Школы были предложены следующие лекционные курсы: “Трансформация постсоветских обществ как предмет социальных исследований” (Т.И.Заславская, доктор экономических наук, академик РАН (Москва, Россия), “Гражданское общество: правовое, политическое, культурное измерение” (В.В.Танчер, доктор философских наук, академик Украинской академии политических наук, заведующий отделом истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины (Киев, Украина), “Трансформация постсоветских обществ как предмет социальных исследований” (С.А.Макеев, доктор социологических наук, заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины (Киев, Украина), “Социально-биологические основания гражданского общества” (А.А.Овсянников, доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и маркетинга Международного университета (Москва, Россия), “Проблемы власти и ответственности в постсоветских обществах” (Д.Г.Ротман, доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного

Ковальчук Елена Павловна – преподаватель кафедры методики и техники КСИ Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина

Чучко Дмитрий Юрьевич – преподаватель кафедры философии, социологии, религиоведения Харьковского государственного медицинского университета

университета (Минск, Белоруссия), "Технологическое управление социальными процессами" (В.Г.Городяненко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Днепропетровского государственного университета (Днепропетровск, Украина), "Местное самоуправление и общественное мнение" (В.В.Шкода, доктор философских наук, профессор кафедры прикладной социологии Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина (Харьков, Украина), "Политическая культура гражданского общества" (И.Э.Бекешкина, кандидат философских наук, докторант Института социологии НАН Украины, (Киев, Украина), "Конституционные аспекты политической активности" (В.В.Речицкий, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Национальной юридической академии им. Ярослава Мудрого, (Харьков, Украина), "Вопросы артикуляции государственной власти в экономической и социальной жизни: институт и индивидуум в постсоветском пространстве" (Дж.Аллина-Пизано, докторант факультета политических наук Йельского университета, США).

Курсы лекций, представленные в Школе, базировались на результатах новейших междисциплинарных исследований по проблемам социодинамики реформ в постсоветском пространстве, касались методики проведения исследований в данном направлении.

Работа в Школе предполагала проведение ежедневных лекционных занятий, практических занятий и круглых столов. Лекторами Школы проводились индивидуальные и групповые консультации для слушателей. Следует заметить, что преподаватели использовали нетрадиционные методы работы с участниками: активные методы обучения (деловые игры, групповые задания).

Трудно выделить лекции какого-то одного преподавателя, так как все они отличались высоким методологическим и методическим уровнем. Ярko и насыщенно выглядели лекции, прочитанные профессором С.А.Макеевым. Заслуживают упоминания семинары, проводившиеся под его руководством, в которых группам участников предлагалось проанализировать процесс изменения социальной структуры современного общества в условиях трансформации с точки зрения одной из классических социологических теорий. Такая организация практических занятий позволила участникам в ходе коллективной работы продемонстрировать свои навыки социологического анализа и закрепить полученные знания.

С методической точки зрения особый интерес представляла и организация курса профессора В.В.Шкоды, занятия которого нельзя с полной уверенностью отнести ни к лекциям, ни к семинарам: они были замечательной комбинацией и тех, и других. Суть методики заключалась в том, чтобы слушатели со-участвовали в рассуждениях лектора и вместе с ним продвигались к намеченной им цели, сами приходили к определенным выводам. Такая форма обучения значительно повышала активность участников и способствовала пониманию ими представляемого материала.

Острота и оригинальность идей, представленных в лекциях профессора А.А.Овсянникова, подчеркивались несомненным талантом лектора и актера. Лекционный материал, прочитанный профессором Д.Г.Ротманом, включал не только теоретические послышки, но, прежде всего, методологические особенности исследований, касающиеся излагаемой темы. В рамках курса, прочитанного И.Э.Бекешкиной была проведена деловая игра, смысл которой заключался в представлении исследовательского проекта по заданной теме несколькими группами. С помощью данной методики слушатели попытались обобщить и применить на "практике" прослушанный материал. Полезны были консультации, проведенные председателем Специализированного совета по защитах докторских диссертаций, действующего на социологическом факультете Харьковского национального университета, профессора Е.А.Якубы. В ходе этих занятий молодые преподаватели, ученые представили на обсуждение основные идеи своих диссертационных проектов. Член экспертного совета ВАК Украины, доктор философских

наук В.В.Танчер провел консультацию относительно оформления представляемых к защите диссертационных работ.

Готовность и нацеленность и слушателей, и преподавателей на диалог находили свое отражение не только в горячих дискуссиях на практических занятиях и круглых столах, но и после лекций, когда подолгу обсуждались наиболее актуальные проблемы; во время консультаций, в ходе которых лекторы охотно делились своими знаниями в той или иной области.

Особенно долго участники задерживались после лекций академика НАН России Т.И.Заславской, но это отнюдь ее не тяготило, более того, Татьяна Ивановна даже настаивала на том, чтобы слушатели Школы обращались к ней за помощью, и дверь ее номера всегда была открыта для желающих получить информацию по интересующим вопросам.

Неудивительно, что, когда собираются вместе представители одной профессии, специальные дискуссии не умолкают и отнюдь не ограничиваются формальными мероприятиями. Как нам кажется, интенсивный обмен самой разнообразной информацией позволит наладить прочные связи и станет залогом успешного и плодотворного сотрудничества между представителями разных стран, городов и ВУЗов.

К сожалению сегодня, в силу определенных причин, поступления специальной литературы из других городов и, тем более стран, довольно ограничены. Тем более отрадно, что каждый лектор считал своим долгом попытаться исправить такое положение вещей и привезти с собой учебные пособия, результаты социологических исследований, материалы лекций и т.д. Кроме того, оргкомитетом Школы были подготовлены и переданы участникам комплекты книг, которые могут им помочь в их дальнейшей исследовательской и научной работе.

Слушателям были выданы сертификаты об окончании Школы.

Следует заметить, что Школа предоставила возможность не только получить ценную научную информацию, обсудить актуальные проблемы становления гражданского общества, методологические аспекты изучения социально-политических проблем, связанных с процессами демократизации постсоветских обществ, обменяться опытом преподавания социальных дисциплин. Летняя Школа молодых преподавателей вузов — это возможность усовершенствовать профессиональные качества преподавателей и исследователей, возможность общаться с ведущими учеными из стран ближнего и дальнего зарубежья, возможность разрабатывать и осуществлять совместные проекты, которые способствовали бы развитию науки в целом.

Хотелось бы поблагодарить Институт открытого общества и Международный Фонд “Відродження”, при поддержке которых был реализован проект Международной летней школы, и выразить надежду на то, что традиция ее проведения будет продолжена в дальнейшем.

**СОЦІОЛОГІЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ім.В.Н.Каразіна**

Адреса: Україна, 61002, Харків, вул. Мироносицька, 1
Телефон: (0572) 45-73-72, 45-73-68, 14-14-08
E-mail: sociology@univer.kharkov.ua
Рівень акредитації: IV

Декан: Ніколаєвський Валерій Миколайович, канд. філос. наук, доцент.

Заступник декана з навчальної роботи: Шеремет Ірина Іванівна, канд. філос. наук, доцент.

Заступник декана з наукової роботи: Арбеніна Віра Леонідівна, канд. філос. наук, доцент.

Заступник декана з виховної роботи: Шмачко Вікторія Борисівна, викладач.

Соціологічний факультет – один з наймолодших в Харківському університеті. Його історія нараховує 10 років. Хоча соціологічна освіта в нашому вузі була започаткована ще напочатку XX сторіччя, лише наприкінці сторіччя університет став готувати соціологів-професіоналів. Спочатку, у 1980 році на базі економічного факультету було введено спеціалізацію з соціології, яка здійснювалась завдяки відкритій у тому ж році кафедрі соціології на чолі з професором Якубою О.О. Перший випуск за цією спеціалізацією відбувся у 1983 році. У 1988 році на економічному факультеті було відкрито відділення соціології, а у 1990 році засновано соціологічний факультет.

Студенти отримують підготовку за спеціальностями “соціологія” та “соціальна робота”. На факультеті здійснюється також спеціалізація з політології. Факультет має денне та заочне відділення, відділення дистанційного навчання.

На денному та заочному відділеннях, за дистанційним навчанням на факультеті навчається майже 500 студентів.

У складі факультету 4 кафедри:

- соціології – зав. кафедрою Якуба Олена Олександрівна, докт. філос. наук, професор; т.: 45-74-05;
- прикладної соціології – зав. кафедрою Бакіров Віль Савбанович, докт.соціол. наук, професор; т.: 45-72-37;
- соціології праці та управління – зав. кафедрою Андрющенко Аліса Іллівна, канд.філос.наук, доцент; т.: 45-74-03;
- методики та техніки соціологічних досліджень – зав. кафедрою Кізілов Олександр Іванович, канд.соціол.наук, доцент; т.: 45-75-55;
- лабораторія соціологічних досліджень – зав. лабораторією Арбеніна Віра Леонідівна, канд.філос.наук, ст. наук. співр; т.: 45-76-51.

Факультет має комп'ютерний клас, методичний кабінет, інформаційний центр (бібліотека та центр Internet).

Студенти-соціологи вивчають більше 50 різноманітних курсів, серед яких філософія, загальна та соціальна психологія, політологія, економічна теорія, математика, загальна соціологія, історія соціології, методологія та організація соціологічних досліджень, конфліктологія, політична соціологія, теорія та практика соціальної роботи, управлінське консультування, маркетинг, реклама, соціологія молоді, соціологія сім'ї, методи комп'ютерної обробки соціальної інформації та ін.

Найкращим студентам факультету присуджуються почесні стипендії імені всесвітньо відомих вчених М.Вебера та М.Ковалевського.

Професійна діяльність випускників факультету перш за все пов'язана з викладацькою та дослідницькою роботою у вузах та коледжах, ліцєях та гімназіях, соціологічних центрах, соціальних службах органів влади, центрах зайнятості, соціально-психологічних службах у збройних силах тощо. Вихованці факультету працюють також в галузі реклами та маркетингу, в пресі, на радіо та телебаченні, в органах державного управління та місцевого самоврядування.

Соціологічний факультет має аспірантуру та докторантуру. На факультеті працює спеціалізована рада з захисту кандидатських та докторських дисертацій з соціології за трьома науковими спеціальностями: теорія та історія соціології, соціологія культури, науки та освіти, соціологія управління.

Науковий доробок факультету складають численні дослідження трансформаційних процесів в Україні, зокрема, змін у соціальній структурі нашого суспільства, проблеми розвитку вищої освіти, життєдіяльності учнівської та студентської молоді, електоральної поведінки, якості життя тощо.

СХІДНОУКРАЇНСЬКИЙ ФОНД СОЦІАЛЬНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

61002, м.Харків, вул.Мироносицька, 1, к.9, 21, 25

e-mail: sociology@univer.kharkov.ua

(+38 0572) 45-75-55; 45-73-68

tel./fax: (+38 0572) 14-14-08

Східноукраїнський Фонд соціальних досліджень створений за ініціативою соціологів, політологів, економістів, юристів Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна та інших наукових закладів, представників ділових кіл, засобів масової інформації, органів місцевого самоврядування м.Харкова.

Основні напрямки діяльності Фонду:

- науковий аналіз, діагностика та прогнозування соціальних, політичних, економічних, екологічних, етнічних та інших проблем сходу України і сучасного українського суспільства в цілому;

- соціологічні, соціокультурні експертизи управлінських рішень, політичних, економічних, соціальних програм і проектів, проблем регіонального, муніципального менеджменту, менеджменту на рівні окремої фірми;

- політичний маркетинг, консультування, організація та інформаційне забезпечення виборчих кампаній;

- аналіз ринку засобів масової інформації та реклами;

- дослідження соціальних механізмів розвитку освіти, науки, культури;

- аналіз споживацької поведінки на ринку продо-вольчих та непродовольчих товарів;

- інформаційне забезпечення фінансово-економічної та інвестиційної діяльності;

- експертиза і корекція рівня соціальної напруги на підприємствах різних форм власності, управлінське консультування.

Дослідники Фонду за останні роки здійснили велику кількість проектів, в тому числі:

• Роль етнічних груп в формуванні Нової Європи (дослідження було проведене спільно з Інститутом міжнародної соціології, Італія, Горіція, 1992 р.);

• Споживацький ринок в Україні: сучасний стан і тенденції розвитку (1995-1998 рр.);

• Вивчення інформаційного простору в Харкові (моніторинг рейтингу засобів масової інформації, 1995-1999 рр.);

• Місто та держава: проблеми, тривоги і надії городян сходу України (дослідження було проведене в десяти містах сходу України, 1995-1996 рр. спільно з Асоціацією міст України, дослідницьким інститутом RTI (США) та Американським Агентством міжнародного розвитку (USAID);

• Аналіз соціального впливу реструктуризації приватизованих підприємств в Україні (Моніторинг 1996-1998 рр., спільно з програмою Тасіс, англійською дослідницькою фірмою MORI);

• Експериментальний проект у галузі вугільної промисловості. Аналіз соціального впливу та моніторинг (1996-1997 рр., спільно зі Світовим Банком);

• Міжнародні школи молодих соціологів і дослідників у 1997-1999 роках (спільно з соціологічним факультетом Харківського університету при фінансовій підтримці Міжнародного Фонду "Відродження" та Інституту відкритого суспільства (Будапешт, Угорщина);

• Формування адаптаційних механізмів поведінки щодо умов сучасного життя у людей похилого віку (1999 р., дослідження за грантом Міжнародного Фонду "Відродження");

• Оптимізація механізмів функціонування ринку праці в сучасній Україні (1999 р., дослідження за грантом Міжнародного Фонду "Відродження");

• Міжнародний науковий семінар "Особливості електоральної поведінки населення посткомуністичних країн Східної Європи" (1999 р., спільно з Фондом Фрідріха Еберта та Берлінським Науковим Центром соціальних досліджень (WZB, ФРН);

• Міжнародний проект "Соціально-економічні та політичні механізми міграції населення на просторі республік колишнього Радянського Союзу" (1999-2000рр, грант RSS (Soros Foundation)

• Міська програма "Діалог": "Забезпечення прав дітей та підлітків на свободу від паління" (1999-2000рр., грант АТ "Харківська тютюнова фабрика");

• Міжнародний проект "Життєві умови, спосіб життя та здоров'я" (2000-2003рр., грант Copernicus).

ВИМОГИ ДО АВТОРІВ “ВІСНИКУ”:

1. Статті приймаються на дискеті 3,5" в текстовому редакторі *Microsoft Word*, обов'язково з роздрукованим примірником.
2. Необхідно подати анотацію з коротким викладом основних положень статті українською, російською та англійською мовами (обсяг анотації – 7-10 рядків) та ключові слова до статті.
3. Прізвище та ініціали автора вказуються на першій сторінці перед назвою статті. Відомості про автора (прізвище, ім'я, по-батькові, адреса, телефон, факс, e-mail, місце роботи, посада, наукове звання) слід додавати на супровідній додатковій сторінці.
4. Кожна стаття повинна мати на першій сторінці номер УДК і ББК (бібліографічні показники).
5. Автор не має права передавати в інші видання статтю, прийняту редакцією та ухваленою редакційною колегією до друку.
6. Редакція зберігає за собою право скорочувати статті й правити мову статті.
7. Статті за підписами авторів висловлюють їхні власні погляди, які можуть не збігатися з позицією редакційної колегії.
8. Рукописи не рецензуються і не повертаються. Редакційна експертиза виконується винятково для внутрішнього користування.
9. Вимоги до тексту:
 - а) відступ першого рядку кожного абзацу робиться не “пропусками”, а за допомогою “табулятора” або робиться автоматично через меню *Microsoft Word*;
 - б) відстань між словами – не більше 1 пропуску; зайві пропуски між словами небажані;
 - в) в тексті не повинно бути переносів.
10. В кінці статті подається список літератури з послідовною нумерацією відповідно до розміщення їх у статті, а в тексті посилання на книгу або статтю оформлюється так:

[4, с. 52],

номер книги або статті
в списку літератури

номер сторінки

Якщо автор посилається на всю книгу або статтю без вказання сторінок, то вказується тільки номер джерела: [4].

Посилання на кілька джерел оформлюються так: [4, с. 52; 7, с. 63] або [4; 7].

11. Бібліографія оформлюється за таким стандартом:

Монографії, 1-3 автори:

Хижняк Л.М. Перетворення організації в умовах соціально-економічних змін. – Харків: Основа, 1999. – 272 с.

Меликов А.З., Пономаренко Л.А., Рюмшин П.А. Математические модели. – К.: Техніка, 1991. – 263 с.

Монографії, 4 автори:

Основы создания гибких автоматизированных производств / Л.А.Пономаренко, Л.В.Адамович, В.Т.Музычук, А.Е.Гридасов / Под ред. Б.Б. Тимофеева. – К.: Техніка, 1986. – 144 с.

Монографії, 5 та більше авторів:

Город и государство: проблемы, тревоги, надежды горожан востока Украины / Бакиров В.С., Кушнарев Е.П., Кизилев А.И. и др. / Под ред. В.С.Бакирова, Е.П.Кушнарева. – Харьков: Форт Лтд, 1996. – 236 с.

Колективний автор:

Составление библиографического описания: Краткие правила / Междувед. каталогизац. комис. при Гос. б-ке СССР им. В.И.Ленина. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во “Кн. палата”, 1991. – 224 с.

Багатотомні видання:

История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. – М., 1982. – Т. 3: Расцвет реализма. – 876 с.

Перекладні видання:

Эрикссон Э.Г. Идентификация: юность и кризис: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 342 с.

Збірки наукових праць:

Харьковские социологические чтения-98: Сб. науч. работ. – Харьков: ЦЭПП “Радар”, 1998. – 499 с.

Складові частини книги:

Бакиров В.С. Горожане в мире политики // Город и государство: проблемы, тревоги, надежды горожан востока Украины. – Харьков: Форт Лтд, 1996. – С. 190-209.

Складові частини збірника:

Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Семейная самоидентификация в кризисном обществе (Опыт использования техники семантического дифференциала) // Социальная идентификация личности. – М.: ИС РАН, 1993. – С. 84-106.

Складові частини журналу:

Прибиткова І.М. Зайнятість і ринок праці // Філософська і соціологічна думка. – 1995. – №7-8. – с. 57-80.

Тези доповідей:

Макеев С.А. Тенденции социальной дифференциации // Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. “Проблеми розвитку соціології на сучасному етапі (теоретичні та методичні питання)”. – К.: Ін-т соціології НАНУ. – 1994. – С. 28-30.

Збірник наукових праць

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО
НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ ім.В.Н.Каразіна

№ 462'2000

Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи

Відповідальний редактор:
д-р соціол. н. проф. В.С.Бакіров

Підписано до друку 28.01.2000. Формат 70X108/1/16. Гарнітура School IDL.
Друк офсетний. Друк. арк. 25,75. Облік.-вид. арк. 24,00.
Тираж 300 прим. Зам. № 2/32. Ціна договірна.

Харківський національний університет ім.В.Н.Каразіна,
Україна, 61077, Харків, м. Свободи, 4
Видавничий центр Харківського національного
університету ім.В.Н.Каразіна.

Видання підготовлено за технічної підтримки
"Східноукраїнського Фонду соціальних досліджень"

Оригінал-макет: І.С.Воскобойник

Надруковано у друкарні ХВУ
Харків, м. Свободи, 6

ISSN 0453-7998

**Вісник
Харківського національного університету
ім.В.Н.Каразіна**

**Соціологічні дослідження сучасного суспільства:
методологія, теорія, методи
2000. № 462.**

